

ТЕОРИЯ

Л.Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Весь темп исторического развития существенно изменился... и у нас создается впечатление об особенно интенсивном движении «историчного». Я думаю, что это острое чувство является особенно важным потому, что человеческая мысль и человеческое сознание обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить философию истории новым образом. Мы вступаем в эпоху, когда человеческое сознание будет направлено к этим вопросам больше, чем было направлено до сих пор.

Н. Бердяев

«Заглавие этого произведения было выбрано не без серьезного и основательного обдумывания, которого важные дела требуют от осмотрительного человека»¹, — мог бы я повторить вслед за известным писателем. Действительно, избранная тема способна заинтересовать многих. Ведь проблема общественных формаций в центре внимания философов и историков уже несколько десятилетий и не раз вызывала горячие дискуссии². А тема цивилизаций с конца 80-х годов стала едва ли не самой модной. Исследование исторического процесса в этом аспекте можно лишь приветствовать. Настораживает иное. В одних случаях — повторение уже пройденных зарубежной наукой ошибок. Попытки представить историю как сумму изолированных и почти неизменных в своих главных чертах культур при последовательном

---

¹ Скотт В. Уэверли // Скотт В. Соч. В 8 т. Т.1.М., 1990. С.45.

² Стоит помнить, что категория «общественно-экономическая формация» и «способ производства» часто используются как синонимы. А только по азиатскому способу производства прошли три большие дискуссии.

проведении могут вести лишь в никуда. И потому почти так же вредны, как и стремление подогнать непохожие общества под один ранжир. В других — желание механически совместить формационный и цивилизационный подходы. При этом должным образом не учитывается тот факт, что в своем классическом виде теория цивилизаций создавалась в значительной мере в противовес теории единства развития человечества (следовательно, и как альтернатива марксизму). Поэтому-то ни эклектическое смешение этих двух парадигм, ни замена одной категории — «формация» — другой — «цивилизация», ни т.п. комбинации не могут быть эффективны, ибо они механически несовместимы. Здесь дает себя знать главная проблема современных философии и теории истории. Что я имею в виду?

Дело в том, и это уже давно ясно, что «коренных перемен в историческом материализме не произойдет, пока сохраняют силу общепринятые представления о собственности, роли личности, о пяти формациях, строящихся вокруг форм собственности, о жесткости законов, прямолинейности отношений базис — надстройка и т.п. Таким образом, наряду с тяжелым наследием прошлого, традициями мертвых поколений, которые тяготеют над умами живых, в нашей философии истории есть и коренные методологические пороки, устарелость, которые не позволяют сделать ее адекватной для познания исторического и современного процессов. Эти пороки и устарелости не устранить косметическими средствами, здесь необходима серьезная реформа»³. Так я думал в конце 80-х. Сегодня же эти убеждения стали только гораздо более ясными и глубокими. Несомненно, за прошедшие годы наша общественная наука сделала громадный шаг вперед: отказалась от ряда догм и грубой необъективной критики, познакомилась со многими достижениями мировой науки, усвоила, что правомерно наличие многих подходов и т.д. Но все это только обнажило пороки общей философско-социологической системы. И в то же время доказало, что далеко не все в историческом материализме (и шире — марксизме) не выдержало проверки временем. Следовательно, многое в них может быть успешно использовано и сегодня, но только после адекватной интерпретации.

---

³ Гринин Л.Е. Письмо в редакцию // Философские науки. 1990. № 5. С.122.

Поскольку основные теоретические проблемы истмата не были решены, ученые оказались перед дилеммой: либо отказаться от истмата и тем самым лишить себя путеводной нити, либо пытаться совместить его с достижениями мировой науки. Однако ни из того, ни из другого ничего перспективного не вышло. Получалось так: либо отказ от теории вообще, либо эклектика, либо противоречивые в своих основах теории, либо слишком формализованные суперконцепции, которые игнорировали специфику социального, что не позволяло применять их для анализа исторического процесса.

Как видно из названия, в работе также делается попытка объединить формационный и цивилизационный подходы. Но желание «примирить» эти две концепции, скорее, удобный предлог для того, чтобы по возможности решить еще более глобальные задачи. Дело в том, что ни эту, ни множество других проблем нашего обществознания не решить до тех пор, пока не будет коренной ревизии все еще господствующей истматовской теории, причем начиная с самых общих, исходных постулатов, законов, категорий и т.п. Без этого, без переосмысления **всей системы философии и теории истории в целом**, из порочного круга, по моему глубочайшему убеждению, не выйти. Ведь стоит только «тронуть» ту или иную категорию, тот или иной закон, вывод и т.д., как — из-за жесткой связи систематизированного знания — убеждаешься: необходимо идти дальше и дальше, чтобы разобраться в проблеме. Но поскольку большинство ученых либо не имеют возможности этого делать, либо не хотят, либо не могут, как правило, получается «тришкин кафтан»: латая теорию в одном месте, исследователь не замечает, что в другом образовалась дыра⁴. Если же игнорировать философию истории вообще, то попадаешь, по выражению Коллингвуда, в плен еще худших доктрин.

Столкнувшись с такой ситуацией и осознав ее, я задался целью разобраться в глубинных противоречиях истмата с тем, чтобы,

---

⁴ К тому же новые явления в жизни также нужно осмысливать и включать в общую систему знания. При этом, как верно замечает И.А. Гобозов, «возникает необходимость разработки новых категорий, поскольку прежние категории не могут охватить новые аспекты исследования действительности. Но тогда требуется новая классификация, «сортировка» категорий, ибо совершенствование категориального аппарата науки — постоянная задача философов» (Гобозов И.А. Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987. С. 20).

используя все продуктивное в нем, и все то, что мне было известно и казалось ценным и приемлемым в мировой науке, создать широкую и непротиворечивую теорию исторического процесса человечества.

Нет ни возможности, ни нужды рассказывать здесь о сложных и даже драматических коллизиях творческой и личной судьбы автора. Важнее отметить другое: я постепенно уверовал в возможность осуществить задуманное, в правильность в целом избранного направления, которое требовало от меня постоянного уточнения и в определенной части пересмотра полученных выводов, открывало новые горизонты. Плоды многолетних изысканий — в этой книге. Конечно, я лучше, чем другие, представляю ее недостатки и ни в коем случае не полагаю, что моя концепция единственно возможная и правильная⁵. Напротив, читатель убедится, что один из главных моих постулатов — нет единственно верной и остальных неверных концепций, а есть относительно лучшие и худшие. Однако я надеюсь, что мои взгляды глубже тех, что господствуют сегодня в нашем общественном сознании.

Основная трудность, с которой я столкнулся в своих исследованиях, заключалась в следующем: совмещая две противоположности, важно было не отказаться от общей теории и не создать очередную жесткую схему, которая уже заранее связывала бы исследователя готовыми выводами. Этого можно было достичь, только исходя из принципа, что я анализирую и описываю исторический процесс человечества в целом, а каждое конкретное общество соотносится с этим процессом сложно, непрямо, особо и чаще всего непохоже. Неразделение всемирного и конкретно-общественного, общего и частного, на мой взгляд, важнейший недостаток истмата. Вот почему я буду постоянно возвращаться к данной проблеме. Только уяснив, что выводы, касающиеся общечеловеческого развития, не должны прямо прилагаться к какому-либо (вообще ни к какому) обществу (такая операция, кроме учета конкретных исследований, требует сложной системы правил и процедур), можно понять, как совместить общую доктрину и свободу выводов исследователя.

Иными словами, общая концепция, несущая, разумеется, определенное содержание, должна выступать прежде всего

---

⁵ «Какими бы научными или примитивными ни оказались эти формулировки, они не более, чем дорожные указатели или километровые столбы на бесконечном пути реализации человеческого потенциала» (Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1983. С. 293).

методологией по отношению к исследованиям более низкого уровня. Очерчивая круг проблем, помогая найти адекватные средства их решения, предостерегая от «изобретения велосипеда» и иного рода ошибок – она ни в коем случае не должна навязывать готовых, априорных выводов. Поэтому читатель не удивится тому, что в работе столь большое внимание я уделял объяснению собственных и чужих методов, их возможностей, достоинств и недостатков. Без этого идеи автора понять сложно⁶.

Но дело еще и в другом. Создается впечатление, что между философией и историей в последние несколько лет – после отмены идеологической цензуры и ослабления внутренней идеологической дисциплины – разрыв не только не уменьшился, но даже увеличился. Историки все больше «впадают» в эмпиризм, и только «последние из могикан» продолжают попытки «расшить» теорию. Как уже отмечалось, исключительно остра потребность в новых подходах и идеях. Но, может быть, существует не меньшая потребность в поиске возможностей интеграции этих новых подходов. Иными словами, **нужна методология синтеза разных взглядов, аспектов, углов, точек зрения и т.п.**, которая позволяла бы переходить от одной схемы научного анализа к другой, яснее видеть область и пределы применения той или иной теории, освобождаться от бесплодной критики. Задача эта между тем едва ли в полном объеме осознается. Но она назрела.

Стремление довести до минимума противоречия концепции, а сделать это в рамках только теории исторического процесса невозможно⁷, заставило меня углубиться в проблемы философии

---

⁶«Всякая книга по истории, достойная этого названия, должна была бы содержать главу или, если угодно, ряд параграфов, включенных в самые важные места и озаглавленных примерно так: «Каким образом я смог узнать то, о чем будут говорить?» (Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973. С.41).

⁷Поставленные здесь задачи решаются на стыке ряда общественных наук: философии истории, общей социологии, теоретической истории, методологии истории и ряда других. Но, с одной стороны, это даже и хорошо, поскольку необходимость интеграции социальных наук общеизвестна. «Синтез разросшихся социальных наук с их гипертрофированной дифференциацией — назревшая задача (даже перезревшая, я бы сказал. — Л.Г.)», — отмечает Н.С. Розов (Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С.57). А в примечании добавляет: «К примеру И. Валлерстайн, автор направления «анализ мировых систем», пишет: «Различия внутри каждой из основных социальных дисциплин: антропология, политология, экономика, социология больше, чем между ними... Нет особой логики в каждой дисциплине. Есть единый «набор правил», «набор принуждающих связей», в

истории и общей исторической социологии (книгу предваряет философско-социологическая часть), более того, мне пришлось «вторгнуться на территорию» того, что прежде называлось диалектическим материализмом, ибо вопрос о законах истории не мог быть решен без выяснения, что такое закон вообще. А проблема общественных законов, их правильной интерпретации и применения, как читатель убедится сам, методологически и логически важнейшая. И только осознав философско-социологические выводы, читатель яснее и глубже поймет и теорию истории. Вторая часть книги посвящена основным моментам теории исторического процесса, а в третьей — дано поэтапное его описание.

Теперь несколько неизбежных во введении объяснений.

Поставленные задачи громадны, а потому не хотелось бы перегружать читателя детальным разбором недостатков и ошибок различных концептуальных подходов. К тому же критика, как известно, сама по себе не несет положительного содержания⁸. И хотя ее здесь достаточно, она подчинена задачам построения концепции автора. Ибо самое важное — чтобы читатель понял его замысел. Поэтому я также нередко отказывался от обсуждения толкований тех или иных терминов, теми или иными школами, теми или иными учеными.

Я вынужден был ввести немало собственных категорий. Но там, где была возможность обойтись общепринятыми, я использовал их. Правда, подчиняя их логике концепции и исходных посылок: в одних случаях отграничивая содержание, в других — существенно меняя его. Такой прием вполне естествен и даже обычен в науке. Но это потребует от читателя большего внимания, для того чтобы не путать привычное значение с тем, какое определил автор.

которых действуют различные (специфические для указанных дисциплин. — Н.Р.) структуры» (Там же. С. 204).

⁸ Как говорил Л.П. Карсавин: «Не критикой доказывается истинность того, чего нет в критике. Критицизм — признак ученичества и не руководимых ясною целью исканий. И даже отдельные критические замечания полезны лишь в качестве иллюстраций доказываемой мысли. Что же касается положительного доказательства, оно всегда — раскрытие системы...» (Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С.17). Сходные мысли высказывал и Юнг: «... это — критические методы, которые имеют то общее со всякой критикой, что там, где можно и нужно нечто разрушить, разложить и ограничить, они оказывают благотворное действие, однако везде, где следует созидать, — причиняют лишь вред» (Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994. С. 70).

Я также хотел бы извиниться за повторы, которых не удалось избежать. С этим так или иначе сталкиваются все, кто пытается охватить широкий круг вопросов. Поэтому, выбирая из двух зол меньшее, я, говоря словами одного ученого, предпочитаю лучше быть многословным, чем непонятым.

Эта книга — плод почти двадцатилетних изысканий и раздумий. В ней много того, что я считаю своим достижением, открытием, и, где это возможно и удобно, я подчеркиваю собственный вклад в развитие каких-то вопросов, проблем. Но еще Гердер более двух веков Назад замечал, что трудно изобрести что-то по-настоящему новое⁹. А сегодня при гигантском объеме литературы ученые часто просто не знают, что делают их коллеги, и физически не могут прочитать все. Поэтому — хотя везде, где только можно, я указывал первенство других или определенное сходство моих взглядов со взглядами других — я заранее хочу извиниться, если где-то по незнанию или недоразумению упустил подобное совпадение. И буду благодарен тем, кто внесет ясность в те или иные частности в этом плане.

Однако мне не хотелось бы, чтобы возможная критика делала акцент на приоритетах отдельных моментов, игнорируя при этом главное — общую идею. Можно доказать, что кто-то, где-то; когда-то нечто подобное уже сказал. (Кажется, и Маркса изводили подобными придирадками). Однако нередко забывают, что на первый взгляд сходные мысли, идеи и выводы в разных теоретических рамках приобретают иной, порой даже противоположный смысл.

В общей же концепции самое важное — это именно теория как нечто новое и принципиальное, как результат особого творческого подхода и процесса. Как говорил Толкотт Парсонс: «Научный интерес состоит не в том, чтобы обнаружить в работах этих ученых отдельные разрозненные утверждения, но единый массив систематической теоретической аргументации»¹⁰.

Теоретик обычно одни элементы и компоненты своей теории берет готовыми, другие — изменяет, совершенствует, третьи — создает сам. Но часто самое трудное — **именно соединить их в некую целостность, чтобы она была органичной, непротиворечивой, чтобы она работала.** Этот процесс можно сравнить с творческой

---

⁹ Гердер Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 7.

¹⁰ Цит. по: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 34.

работой конструктора, который из известных в принципе элементов, частей и т.п. и собственных находок создает принципиально новый тип машины.

Вот мне и хотелось бы, чтобы читатель сумел понять и оценить концепцию в целом. Но как бы ни отнеслись к этой работе, я полагаю, что предпринятая мною попытка полезна, поскольку она заставит задуматься над многими проблемами, иные из которых по-настоящему не осознаны. Оставлять же ситуацию в прежнем виде, избегать реконструкции исходных постулатов — значит ждать саморазрушения науки, превращения ее в схоластику.

ЧАСТЬ I

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Первая часть названа по аналогии с известной работой Рудольфа Карнапа «Философские основания физики». Как уже отмечалось, здесь рассматриваются вопросы, без правильного понимания которых не будет ясна позиция автора по очень многим проблемам теории исторического процесса¹¹. Читатель убедится сам, что от исходных философских посылок в значительной степени зависят (иногда даже удивительно, до какой степени) выводы в исследованиях, казалось бы, далеких от философии¹².

Данная часть разбита на два раздела, первый посвящен философским проблемам, второй — общесоциологическим.

---

¹¹ Конечно, затронутые проблемы не удалось разобрать так подробно, как следовало бы: ведь в целом книга посвящена другим темам. Но ряд моментов рассмотрен глубже или под углом зрения в работе: Гринин Л.Е. Философия и социология истории. Некоторые закономерности истории человечества. Волгоград, 1995-1996. Вот к ее первой и второй частям я и отсылаю интересующегося читателя.

¹² Ибо, как сказал С.Н. Булгаков: «То, что для практики представляется само собой разумеющимся, для философствующего ума нередко ставит наиболее трудные проблемы». И добавил: «Такова, например, вся теория познания, исследующая, в сущности, сами собой разумеющиеся формы познания и справедливо усматривающая здесь труднейшие и сложнейшие проблемы философии» (Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч. В 2 т. М., 1993. Т.1 С. 57)

РАЗДЕЛ I

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

§ 1. К вопросу об «объективности» законов. § 2. Закон и сущность. Собственное определение закона. § 3. Дополнительные пояснения и выводы. § 4. Кое-что о типологии общественных законов

... Философская проблема познания — это вопрос о том, из каких источников в конечном счете происходит интеллектуальный авторитет наших понятий.

Ст. Тулмин

В этой главе, хотя ее название предполагает рассмотрение только общественных законов, пришлось разбирать вопросы, касающиеся природы, типологии, познания, применения законов вообще. Иначе трудно понять, что такое общественные законы и каковы их особенности, а также какие следствия вытекают из обоснованных философских выводов.

Нередко желая подчеркнуть менее строгий характер законов общества по сравнению с законами природы, говорят не об общественном законе, а об общественной закономерности. Я не считаю такое разделение целесообразным, поскольку не придерживаюсь традиционного в нашей науке понимания категории «закон». Поэтому оба термина я использую как синонимы.

В этой главе я сознательно предвосхищаю некоторые выводы последующих глав и частей с тем, чтобы, во-первых, подготовить к ним читателя, во-вторых, обосновать те философско-методологические посылки, из которых я исхожу в исследовании, и, в-третьих, чтобы необходимость данной главы стала совершенно очевидной.

§ 1. К вопросу об «объективности» законов

Альфред Уайтхед отмечал, что «сейчас можно вычленить **четыре** основные концепции Законов Природы: доктрину, согласно которой Закон есть нечто имманентное самим объектам; доктрина, по которой Закон навязывается объектам; концепция, утверждающая, что Закон есть наблюдаемый порядок явлений, иначе говоря, Закон как простое описание; наконец, более позднее представление о законе как об условном (т.е. конвенциальном. — Л.Г.) истолковании»¹³.

---

¹³ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 508.

Возможно, что точек зрения даже больше, чем четыре, и еще больше их комбинаций. Но в этой главе я не стремлюсь рассмотреть их все. А хотел бы остановиться на анализе двух принципиальных позиций по данной проблеме. Являются ли законы объективно существующими, имманентно присущими природе и обществу, а наше сознание лишь отражает эти законы? Или же надо вести речь лишь о научных законах, по которым формулируются наши представления о причинно- следственных связях явлений природы и общества?

Если придерживаться первой точки зрения — законы есть нечто реальное, некая абсолютная сущность, — то мы должны ожидать законов четких, строгих, обязанных неизбежно осуществиться, которым подчиняются частные случаи и т.д. Содержание законов мало зависит от особенностей человеческого сознания и познания, научных задач, других субъективных вещей. Это то, что я назвал бы **классическим** представлением о законах.

Если принять вторую точку зрения, то мы должны осознать, что как продукты (формулировки) человеческого ума научные законы лишь приблизительно (а порой и вовсе неверно) описывают реальность. К тому же при изменении научной задачи и некоторых исходных посылок' существенно меняются и формулировки и даже смысл законов. Именно поэтому новые открытия, теории и пр. могут так радикально менять законы, что они — не сама реальность, а лишь ограниченные и недостаточные знания о ней. Поэтому особенности нашего мышления, недостатки научных и технических познавательных средств, дефицит фактов, давление прежних взглядов и многое другое неизбежно делают любые наши представления в абсолютном плане ограниченными, хотя в относительном — все более совершенными.

Хотелось бы не просто разобрать эту антиномию, чтобы затем, заявив, что в чем-то правы обе стороны, оставить проблему в прежнем состоянии. Нет, в данном случае я надеюсь на этой основе обосновать собственную точку зрения. Во многом она ближе ко второму подходу. Но это не то, что иногда называют средним взглядом между двумя крайностями. Нет, это попытка интегрировать (насколько возможно без нарушения логики) оба суждения в более общую концепцию. И — самое главное — я думаю показать, какие следствия для общественной науки вытекают отсюда.

Классический взгляд на законы сформировался под влиянием успехов естественных и математических наук и к середине XIX в. стал господствующим. Он широко проник и в науки об обществе, однако во

второй половине прошлого века встретил в истории серьезные возражения. Спор сторонников и противников признания исторических законов общеизвестен. Противники законов, не отрицая возможностей социологии, настаивали на особенности познания истории по сравнению с науками о природе. Разделением знания на науки о природе и науки о культуре, а методов на «номотетические» и «кидиографические» («индивидуализирующие и генерализирующие»), они обосновывали невозможность поиска в истории законов как в науке об индивидуальном и неповторимом. Законы, однако, и та и другая сторона трактовала в классическом духе.

Действительно, различия между объектами природы и истории очень существенны, хотя бы по причине того, что для изучения первых возможны многочисленные эксперименты и описание с помощью математики. Однако в XX в. стало ясно, что разница между ними не столь фундаментальна, как казалось Риккерт, Виндельбанду и их последователям. Пересмотр взгляда на то, что же такое законы природы и общества, шел сразу по нескольким направлениям. С одной стороны, становилось очевиднее, что хотя развитие в природе идет гораздо медленнее, чем в обществе, тем не менее, оно есть, а, следовательно, идея вечности, неизменности законов природы не столь неопровержима. К тому же некоторые объекты природы (например Земля) единичны и потому уникальны, а, следовательно, в методах их изучения есть сходства с исследованием неповторимых обществ и культур. С другой стороны, создатели новой социологии, формально отрицая законы, широко использовали теоретические **конструкции** особого вида, самым известным из которых является идеальный тип М. Вебера¹⁴. Все чаще в отдельных областях историографии прибегали к математическим и другим формализованным методам. В результате, представления о том, что между объектами природы и истории существует пропасть, постепенно перестали быть столь убедительными¹⁵.

---

¹⁴ «Знанецкий и Макс Вебер доказывают, что наука об общественной и исторической действительности не может отказаться от выяснения причинных связей, что существующие между природой, с одной стороны, обществом и культурой — с другой, различия не лишают социологию существования в качестве науки» (Фотев Г. Флориан Знанецкий: гуманистическая социология // Современная американская социология. М., 1994. С. 60).

¹⁵ «Лингвистический поворот (т.е. идеи лингвистической философии Витгенштейна и др. — Л.Г.) был второй попыткой найти некое общее основание для естествознания и

Важнейшим рубежом здесь явился идейный и методологический кризис в физике в начале XX в. Отныне многие ученые уже не рассматривали законы как строгие и универсальные, понимая, что «нельзя ожидать точного совпадения природы с каким-либо законом»¹⁶. Утверждалась идея о том, что «все теории естествознания — лишь создания человеческого разума, только версии бытия и их не надо путать с самой реальностью, которая в следующий момент может повернуться совсем другой стороной»¹⁷. Постепенно уменьшилась и вера в могущество математики, способной якобы описать все природные процессы¹⁸.

Таким образом, в последние десятилетия XIX в., но особенно начиная с 20–30-х годов XX в., в ряде философских школ усиливается критика того, что законы природы и общества (хотя последнему уделяется меньше внимания) есть нечто объективно существующее, и подчеркивается, что это плод наших суждений, обобщений причин и следствий, тех сходных явлений, которые мы наблюдаем или постигаем путем размышлений о реальном мире¹⁹. Одновременно все точнее прослеживается связь между познаваемым объектом и познающим субъектом, когда «вместо неизменного разума, получающего команды от неизменной природы посредством неизменных принципов, мы хотели бы найти изменчивые

истории», — считает Р. Рорти (Витгенштейн, Хайдеггер и гипостатизирование языка // *Философия Мартина Хайдеггера и современность*. М., 1991. С. 123).

Первой он полагает развитие эволюционной биологии и эмпирической психологии в XIX в. Вероятно, можно насчитать и более ранние попытки, например, О.Канта или Маркса и Энгельса. Но, в любом случае, после Витгенштейна, Карнапа и других последовал еще ряд во многом безуспешных попыток.

¹⁶ Уайтхед А.Н. Указ. соч. С. 509.

¹⁷ Так авторы учебника «Философия» (Ростов-на-Дону, 1995. С. 253) перелагают взгляды некоторых современных философов Запада.

¹⁸ «Столь же наивна вера в формализующую силу математики... язык науки Двойственен, он лишь наполовину является языком теоретических понятий, а на другую — языком наблюдений, который с трудом переводим на первый Для физики, и почти непереводаем для наук о мезомире... А Альберт Эйнштейн сказал еще более категорично: «Если теоремы математики прилагодятся к отражению реального мира, то они не точны: они точны, пока не ссылаются на Действительность» (Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 110).

¹⁹ Разумеется, такую критику следует рассматривать с более раннего времени, хотя бы с Юма и Канта (а в определенном плане и с античности). Но в нашем случае это было бы излишним. Хотя кое-что по поводу идей Канта и будет сказано дальше.

познавательные отношения между изменяющимся человеком и изменяющейся природой»²⁰.

Большие перемены произошли в истории и общественных науках. Однако что касается закономерностей истории, то здесь еще долго оставались представления, близкие к классическим: строгие универсальные законы, из которых можно дедуцировать событие.

Вероятно, сказалось и давление прежних стереотипов, от которых в общественных науках избавлялись медленнее, чем в естественных, и противостояние с марксизмом-ленинизмом, претендовавшим на историческое предвидение, и какие-то другие причины. И поскольку строгих, вечных, универсальных законов, истинных для любого места и времени в истории не наблюдалось, многие теоретики, причем весьма крупные (Арон, Поппер, Гемпель и др.) склонялись к тому, что понятие закона малопродуктивно для истории. Они подчеркивали, что здесь можно вести речь лишь о неких нечетких тенденциях, вероятностях, «тривиальных» законах (Поппер), «эскизах» (Гемпель) и т.п. И считали, что предпочтительнее говорить о причинах и следствиях, обобщениях, аналогиях, циклах и т.п. Такие ограничения невольно были перенесены с конкретной истории на теорию исторического процесса. В результате интерес к обобщающим, генерализующим концепциям снизился, а главное внимание сосредоточилось на теориях так называемого среднего уровня.

Собственно эта дилемма: или признать жесткие, соответствующие любому месту и времени законы, или отказаться от использования этой категории в истории — и заставила меня вплотную и до необходимой глубины разобраться в этом вопросе. С одной стороны, марксистское толкование законов как объективной реальности, жестких и одновариантных, совершенно не устраивало меня, так как не соответствовало действительности. С другой — сам отказ от этого понятия и замена его иными, довольно аморфными, привели бы к рассыпанию теории исторического процесса и потери тех преимуществ, которые, бесспорно, дает такой подход. Кроме того, меня беспокоило, что между различными, в чем-то верными взглядами, существовали слишком «строгие» границы. И раз число подобных теорий постоянно возрастает, это ведет к порабощению исследователя, которому требуется разбираться со все большим

---

²⁰ Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984. С. 41.

количеством концепций и понятий. Именно в проблеме общественных законов я неожиданно для себя увидел ключ к решению этих проблем и возможность определенной интеграции взглядов.

Мне думается, что недостаточно разработанным остался иной путь: **поиск адекватного, следовательно, более широкого и менее жесткого толкования понятия «закон», а также более четких и продуктивных методологических процедур применения общих утверждений к частным случаям и наоборот**. Ведь если отказаться от классического взгляда на содержание категории «закон» — и я обращаю на это особое внимание — антиномия их наличия-отсутствия в истории практически снимается и проблема переносится совсем в иную плоскость²¹. В настоящее время, кажется, перспективы такого подхода осознаются, но проблема еще очень далека от разрешения.

Но если в западной науке взгляды на природу законов постепенно меняются, то в наших философии и обществознании они остаются неизменными и господствуют абсолютно²². Причин тому много. Одна из главных в том, как говорит Тулмин, что «эпистемологические проблемы XX века все еще покоятся на научных и исторических предпосылках», которые «уже устарели лет на триста»²³, т.е. восходят к идеям Декарта и Джона Локка. В изложении Тулмина они выглядят так: «Естественный порядок устойчив и стабилен, и разум человека приобретает интеллектуальное господство над ним, размышляя в соответствии с принципами понимания, которые также устойчивы и универсальны»²⁴.

К этому уместно добавить, что после того, как в XVIII в. произошел крутой поворот «от онтологии к гносеологии, от натурфилософии к антропологии», который связан с именем Канта²⁵, вопрос о соотношении реальности и описывающих ее законов и категорий становится все острее и острее.

Кант задает «естественный и важный вопрос»: «... как возможно подведение созерцаний под чистые рассудочные понятия, т.е.

---

²¹ «Дилемму идиографического-номотетического должно заменить богатство возможностей понятийного инструментария» (Розов Н.С. Указ. соч. С. 85).

пространена среди современников писателя и даже обладает определенной притягательной силой для него самого» (Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 23).

²³ Тулмин Ст. Указ соч. С. 43.

²⁴ Там же.

²⁵ Шубин В.И. Кант и Вернадский // Кант и философия в России. М., 1994. С. 212.

применение категорий к явлениям»²⁶? И от того или иного ответа на него зависит очень многое. С ответом самого Канта: существуют некие «априорные знания, безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта»²⁷, вряд ли можно согласиться. Но еще менее удовлетворяет идея о точном соответствии реальности и познания. А если переосмыслить еще одно очень важное замечание Канта: «... категории применяются для познания вещей, **лишь поскольку** (выделено мной. — Л.Г.) эти вещи рассматриваются как предметы возможного опыта»²⁸, то станет ясно: **наши представления о «вещах» равно как и о законах теснейше связаны с теми научными или практическими задачами, которые мы (или вообще люди) ставим.** Другими словами, реальность бесконечна и неисчерпаема, а, следовательно, мы всегда познаем ее в частности (даже если имеем претензию на полноту), в ограниченных связях, поэтому наши представления напрямую зависят от уровня развития науки, тех проблем, которые она решает в данный момент, а также кругозора, мировоззрения и способности личности. Лишь ясно осозная этот момент (являющийся одновременно и недостатком и достоинством), постоянно рефлексируя в подобном отношении, мы можем уменьшить сложности, вытекающие из особенностей человеческого и научного мышления. «Проблема относительности знаний занимает недостаточное место в наших исследованиях»²⁹, что ведет к очень серьезным противоречиям в теории и расчетах в методологии.

Посмотрим теперь, как определяется закон в нашей науке, чтобы затем разобрать противоречия существующих определений. Наиболее ясную и простую, точно соответствующую классическому взгляду дефиницию можно встретить в «Материалистической диалектике»: «Закон есть существенная, устойчивая, общая, необходимая и повторяющаяся связь»²⁹. При этом авторы убеждены, что данное определение «является фактически общераспространенным в нашей

---

²⁶ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 123.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Там же. С. 108.

²⁹ Ойзерман Т.И. Научно-философское мировоззрение марксизма. М., 1989. С. 175. «Ведь если не существует абсолютного знания, если знание по природе своей относительно, то вопрос об отношении относительности к объективности приобретает ключевое значение для теории познания диалектического материализма» (Там же. С. 179).

³⁰ Материалистическая диалектика: В 5 т. М., 1984. Т. 1. С. 192.

философской литературе»³⁰. Вот еще одно довольно типичное определение: «закон — необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. Закон выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также свойствами внутри вещи»³¹.

В этих определениях, по сути, смешаны два взаимосвязанных, но не тождественных понятия: закон природы (общества, сознания) и научный закон, который формулирует наше понимание первого. Если полагать, что эти понятия почти тождественны в том смысле, что наше мышление копирует, отображает и отражает реально существующие законы, то такое смешение не имеет слишком серьезных последствий³², поскольку тогда результаты научного исследования «фиксируются в законах науки, представляющих **собой отражение в сознании человека объективно существующих законов**» (выделено мной. — Л.Г.)³³.

Но если исходить из того, что «нет никакого необходимого, независимого от сознания исследователя соответствия между высказываниями (истинными или ложными) и соотносимыми с ними предметами... нельзя из наличия тех или иных понятий в науке делать вывод о существовании такого рода реальностей, которые этими понятиями предполагаются... существование вообще не вытекает из понятий, не дедуцируется»³⁴, то вопрос покажется много сложнее.

---

³⁰ Там же.

необходимой и устойчивой связи между явлениями или свойствами материальных объектов, повторяющиеся существенные отношения, при которых изменение одних явлений вызывает вполне определенное изменение других. Понятие закона близко к понятию сущности, которая представляет собой совокупность глубинных связей, процессов, определяющих важнейшие черты и тенденции развития объектов» (Философский словарь / Под ред. М. Розенталя. М., 1975. С. 133.

³² Такое смешение встречается часто. Так в «Философском энциклопедическом словаре» сначала читаем: закон — это само отношение, далее — закон выражает связь между предметами. Но ведь это совсем не одно и то же: само отношение — закон или только выражает связь между предметами! Однако некоторые марксистские ученые остерегаются писать о наличии объективно существующих законов, а вводят речь лишь о научных (см., например: Маркович Д. Общая социология. Ростов-на-Дону, 1993. С. 9-17).

³³ Материалистическая диалектика. Т. 1. С. 195.

³⁴ Так Ойзерман излагает взгляды «физических идеалистов», добавляя, что сами по себе эти утверждения правильны, а неверны выводы, (см.: Ойзерман Т.Н. Указ. соч. С. 201-202).

Классическая позиция исходит из того, что можно найти самую главную, коренную сущность, которая в конечном счете и определяет весь порядок. Это явное или неявное представление о том, что «законы правят миром», что будто бы есть некие Особые и Единые силы, определяющие порядок осуществления указанных связей и отношений, что «законы присущи самому материальному миру и действуют с силой необходимости»³⁴. Но для того чтобы рассматривать законы как сами связи и отношения между объектами, следует найти некую общую причину. Такой подход логичен, когда мы, как Платон, признаем наш мир лишь копиями неких вечных Идей, или, как Гегель, — самореализацией Абсолюта и т.п. Если так, если за миром есть нечто высшее и идеальное, тогда и законы можно признать вечными и имманентными. Но как быть материалистам?

С одной стороны, признается, что «сама материя существует в виде бесконечного многообразия конкретных образований и систем. В структуре каждой из этих конкретных форм материи не существует какой-либо первичной, бесструктурной и неизменной субстанции, которая лежала бы в основе всех свойств материи»³⁵. С другой — утверждается, что «для прогресса научных знаний и опровержения различных идеалистических концепций всегда важно выявление того **материального субстрата** (выделено мной. -Л.Г.), который лежит в основе исследуемых в данный период явлений, свойств и форм движения объективного мира»³⁶. Эта двойственность вообще свойственна марксизму, о чем у нас еще будет возможность поговорить.

Однако в этой связи сделаю некоторое отступление. Возможно, оппоненты упрекнут меня в том, что я упростил рассматриваемые здесь взгляды на законы, что в нашей современной философии и науке существуют более адекватные объяснения соотношения познания и реальности (закона). Да, конечно, можно встретить немало попыток серьезнее подойти к решению тех или иных вопросов. Но, во-первых, я полемизирую с наиболее общими убеждениями, а не с конкретными авторами. Во-вторых, даже у тех, кто делает более верные частные выводы, существуют противоречия, ошибочные утверждения и пр.,

---

³⁴ Цит. по: Власюк В.Н. Идеализм современного материализма. Основы теории общественного развития. М., 1993. С. 97.

³⁵ Философский энциклопедический словарь. С. 354.

³⁶ Там же.

корень которых даже при поверхностном анализе — в том, что автор сознательно, к чаще бессознательно, исходит из следующего: законы — это сама объективная реальность, которая отражается сознанием.

Утверждать, что вся материя имеет некие общие первоосновы, субстрат, которые и составляют сущность, и делают законы объективно существующими, разумеется, можно. Но вряд ли это будет правильно. Ведь если обратиться к понятию «материя», то можно увидеть, насколько оно бедно конкретным содержанием. Поэтому главным научным достижением здесь выступает то, что мы все-таки нашли нечто общее в этом разнообразном мире³⁷.

Физики уже, похоже, отказались от идеи найти некие первоосновы, «кирпичики» материи. Но если бы они даже и были бы обнаружены — что кажется маловероятным — то разве стали бы они той осью, вокруг которой строилось бы знание? Той первопричиной, тем первотолчком, которые все объяснят: тайну живого, развитие общества, глубины психики и т.п.? Очевидно, нет. Так же, как невозможно оказалось объяснить историю — страстями, инстинктами, подсознанием и т.п. Хотя подобный редукционизм еще жив и в естественных, и общественных науках.

Далее обсуждение этих проблем можно было бы представить как спор между автором и сторонником указанных выше взглядов. Поскольку автор отстаивает, скажем так, непривычную точку зрения, естественно, его рассуждения будут более пространными.

Автор: Реально существуют отдельные объекты, явления и т.п. и связи между ними. При этом отношения между объектами, охватываемыми одним законом, выглядят весьма различно. Например, камень падает на землю; Луна вызывает приливы; планеты вращаются вокруг Солнца и т.п. — все это проявления одного закона — закона всемирного тяготения. Или индустриализация ХУШ-ХГХ вв. в Англии; индустриализация в колониальной Индии, императорской Японии, в Советском Союзе — процессы во многом несходные. Почему? Потому, очевидно, что и сами объекты (события, явления) различаются, и причины здесь во многом разные.

---

³⁷ «... То, что мы называем природой, есть особый способ, которым наш интеллект соединяет, упорядочивает, оформляет чувственные восприятия... Они становятся «объектами», будучи восприняты формами нашего интеллекта и получив благодаря им образ прочных закономерностей и взаимосвязанной картины «природы» (Зиммель Г. Избранное: В 2 т. М., 1996. Т.2. С. 509).

Оппонент: Да, но причины во многом и сходны, у них есть нечто общее, у них одна сущность.

Автор: Да, общее у них, бесспорно, есть. Но разве это общее существует в чистом виде, вне конкретного, само по себе? Почему же должны существовать некие объективные, Сами по Себе законы? П.Сорокин называл их необходимыми законами, находящимися вне фактов³⁸.

Оппонент: Нет, общее не существует вне конкретного. Но закон, хотя в разнообразных явлениях внешне проявляется по-разному, представляет собой единую сущность.

Автор: Но если сущность — это нечто главное, то, как думается, она и должна оставаться главной в каждом конкретном случае, подпадающем под закон. Но будет ли главной сущность закона всемирного притяжения, например, во взаимодействии двух камней? А будет ли главной сущность дворянства в дуэли двух дворян? И т.д. Словом, если бы сущность была абсолютной, если бы она была всегда главной, ее следовало бы признать реальной. А законы, поскольку из них выводились бы конкретные случаи — объективными. Это была бы такая же реальность, как существование звезды, которая не исчезает оттого, что мы ее не видим. Но если то, что выражает сущность, в одних ситуациях бывает определяющим, в других — нет, если в разных случаях на первый план выходит различная сущность, значит она есть лишь понятие, причем относительное. И относительно оно именно нашего взгляда и познания. Отсюда нельзя и законы считать объективными, т.е. существующими независимо от сознания. Иначе мы должны представлять законы как некую цельность, как Единую Силу. А «это объективно-реальное существование законов никто, никогда и нигде ничем не доказал»³⁹. Таких законов нет.

Оппонент: Хорошо, пусть закона как Единой Силы нет. Но все равно он объективно существует. Разве он не описывает, не объясняет, не охватывает в единой формулировке то объективно общее, что есть в разнообразной действительности?

Автор: Вот мы и подошли к сути расхождения. Да, закон описывает и объединяет в единой формулировке нечто общее.

---

³⁸ Сорокин П. Историческая необходимость // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 516.

³⁹ Власюк В.И. Указ. соч. С. 99.

И это общее наблюдается (хотя бывает и плодом нашего воображения) в реальности. Но это общее объединено, выделено в единую сущность, представлено в чистом виде только в нашем сознании, а реально оно растворено в бесконечном количестве конкретных и во многом непохожих объектов и явлений. Ибо только сознание может разрывать единую реальность, в которой органически соединено общее и особенное, закономерность и случайность, сходство и различие, единство и борьба, количество и качество и т.п.

И то, что формулировка общего есть комбинация нашего ума, доказывается уже тем, что одно и то же свойство в разной ситуации представляется различным. Например, оба утверждения: «Войны реакционны» и «Войны могут нести прогресс» в определенном контексте будут верны. Но чтобы сделать обобщенный вывод, нужно много пояснений, поскольку одна и та же война может быть, с одной стороны, реакционна, с другой – прогрессивна. Это явное доказательство относительности выводов и законов.

Оппонент: Даже если закон только плод нашего ума, он все равно есть отражение объективно существующей реальности. Ведь общее существует независимо от нашего сознания. А значит, можно считать, что и закон существует объективно.

Автор: Если законы — продукт нашего сознания, они не могут быть совершенно независимы от него. Возможность выделить нечто общее, сгруппировать объекты по этому признаку — это уже во многом субъективное. Но главное в том, что между сознанием и реальностью отношение гораздо более сложное, чем просто отражение. Поэтому-то можно утверждать, что хотя вопрос о природе сходства в разных объектах исключительно сложен и важен для философии, он тем не менее не связан напрямую с вопросом об объективности самих законов. Поскольку реальность и закон не тождественны. Напротив, чем **четче мы разделим эти проблемы, тем легче их будет решить, тем точнее будут выводы.**

Отражать (и то условно) можно лишь конкретные вещи. Но чем дальше от конкретности, чем более широкие обобщения, тем более сложные мыслительные операции приходится совершать. Наиболее абстрактные качества уже невозможно себе и представить. Можно ли вообразить бесконечность, объективность, относительность, формационность и т.п.?

Поскольку реальность неразрывна, а наши абстракции «разрывают» ее на части, мы сталкиваемся с проблемой: выделенное

сходство в чем-то очевидно, а в чем-то натянуто, спорно, двойственно и т.п. Любая классификация дает нам примеры трудности определения этого общего при разбивке на классы и типы по нему. Это показатель того, что наше сознание не отражает, а упорядочивает, моделирует, зашиф

помощью которых некое качество условно выделено, «вырвано» для нашего удобства из реальности, а затем очищено от всякой конкретности, а о пейзаже, который можно сфотографировать.

Такое представление о законе природы перенесено и на общество, в котором вся его жизнь стала лишь малозначимыми вариациями на тему реализации Абсолюта или некоего имманентно заложенного в истории смысла⁴⁰.

Здесь к месту вспомнить, что нет абстрактной истины, истина всегда конкретна. Теоретическое же исследование и знание всегда в той или иной степени огрубляют, искажают действительность, поскольку они сначала анатомируют ее, делят на части и элементы, функции и отношения и пр., затем описывают их в категориях и вновь соединяют. Единичное и индивидуальное они должны увидеть во всеобщем, уникальное — в повторяющемся, неделимое и неразъемное — в делимом и разъемном, движение — в покое и т.п. Все это гениально выразил Гете, сказавший в «Фаусте»: «Суша, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет!» Ясно, однако, что иным способом мира не познать.

Итак, взгляд на законы как на сами объективные связи и отношения я далее буду называть **объективистским (объективизмом)**. Я знаю только одного современного отечественного философа, который

---

⁴⁰ Именно так навязывается конкретности некая «сущность», некий, вроде бы объективный и независимый от сознания закон. Например, формулируется положение: стоимость есть такое отношение, при котором любая потребительная стоимость оценивается, исходя из затраченного на ее изготовление количества общественно необходимого труда. А влияние спроса и предложения — просто колебания вокруг этой стоимости. В результате главный во многих (или в большинстве) случаев механизм образования цены (стоимости) объявлен несущественным, неважным.

Разве же не из-за этой жесткости постоянно возникают споры и историки доказывают, что главный закон в «их» случае не был главным, что в «их» обществе — доклассовое государство; что «их» феодализм не требует частной собственности на землю; «их» буржуазная революция обходится без буржуазии и т.п. Эти гибриды — результат давления общего, якобы объективно существующего закона (за который порой вообще выдается заблуждение ума) и попыток сохранить специфику изучаемого материала, не подвергая общую теорию ревизии.

открыто, ясно и недвусмысленно выступает против такого подхода. Это В.И. Власюк⁴¹. В книге «Идеализм современного материализма» он пишет: «Законов в природе нет. Они существуют только субъективно-реально и отражают не законы природы и общества, а, как было сказано – «объективные связи явлений действительности». Исчезает человек, носитель законов, вместе с ним исчезнут и законы, останутся лишь объекты материального мира, определенным образом взаимодействующие друг с другом... Неправильное понимание законов природы и общества, которыми могут быть только законы-знания, непонимание их сугубо идеального характера существования послужили причиной дальнейших умозрительных заблуждений»⁴². В своей книге Власюк последовательно проводит такой взгляд и на остальные категории (материя и др.). И в этом плане его работа — важное явление, свидетельствующее о необходимости ревизии всей нашей философии. Что же касается решения проблемы законов, то его нельзя признать полностью удовлетворительным, поскольку, как видит читатель, он также придерживается мысли, что сознание отражает действительность. А такая позиция искажает и теорию познания, и методологию, и многие практические выводы. Возможно, что она повлияла и на общественную теорию Власюка, которая, к сожалению, на мой взгляд, не выдерживает критики.

Можно проследить исторические корни такого объективистского взгляда на законы. Они унаследованы от классиков марксизма-ленинизма, заимствовавших, в свою очередь, их от Гегеля (об этом подробно в следующем параграфе)⁴³. Неудивительно, что материализм неосознанно уживается

---

⁴¹ Вероятно, есть и другие, во всяком случае, я надеюсь на это. Есть также историки-теоретики, которые близки к более правильному толкованию. Например, А.Я.Гуревич, на которого я буду ссылаться, предпринял попытки обосновать (правда, на мой взгляд, не совсем логично и последовательно) возможность использовать в историческом анализе менее жесткие и более вариативные законы, чем те, которые предлагал истмат еще почти 30 лет назад в статье «Об исторической закономерности» (Философские проблемы исторической науки. М., 1969). Более адекватное определение закона встретилось мне и в «Краткой философской энциклопедии» (М., 1994. С. 162), где идет речь лишь о научном законе. Однако в целом все же содержание этой статьи достаточно двусмысленно и вызывает споры.

⁴⁴ Власюк В.И. Указ. соч. С. 97, 99.

⁴³ О котором А.Шопенгауэр говорит, что он выдает «общие понятия, отвлекаемые нами из эмпирического воззрения, возникающие, следовательно, через мысленное

сто отражаться в сознании. Но в любом неложном утверждении и законе в той или иной пропорции сосуществуют и объективность (поскольку дело касается анализа существующей независимо от сознания реальности) и субъективность (поскольку сознание всегда препарирует и комбинирует реальность).

При этом, если мы упираемся в объективизм, то наше знание превращается в догму, а общий закон — некоего «начальника» над реальностью, которой он «управляет». Объективизм вольно или невольно исходит из идеи: раз законы — нечто реальное, и если они правильно отражены, то одна концепция становится единственно верной, а все остальные в лучшем случае только где-то приближаются к правильному пониманию.

Хотя прямо в таком убеждении сегодня вряд ли кто признается (вчера было наоборот), подспудно оно все еще дает о себе знать⁴⁴. Между тем если в наших формулировках огромна доля субъективности, то возможны разные точки зрения. Поэтому положительное содержание теории должно быть увязано с ее методологическим и гносеологическим обоснованием, чтобы было видно, прав (или не прав) автор. Только в этом случае новая идея «заслуживает серьезного отношения к себе» (Поппер). Объективистский подход умаляет значение методологии.

Уклон же в субъективность ведет к субъективному идеализму — мир существует только в нашем сознании. Отсюда важнейший вывод о необходимости поиска нужных пропорций, разработки методологических правил применения общего к частному, об осторожности в абсолютизации абстракций, а также о правильном понимании того, что такое закон, каковы его разновидности и их особенности — чтобы уметь находить адекватные средства познания каждой конкретной задачи. Но и самые правильные методологические процедуры без положительного содержания, без учета всех фактов,

---

опущение определений, иными словами, отличающиеся тем большею пустотою, чем они общие

⁴⁴ Несомненно, целесообразнее исходить из мысли, что «все человеческое знание недостоверно, неточно и частично» (Б. Рассел) (Цит. по: Тулмин Ст. Человеческое понимание. С.11).

Можно согласиться и с Н.Н.Моисеевым в том, что неоднозначность интерпретации одних и тех же исходных эмпирических данных «это проблема понимания того, как возникает и организуется наше знание о глобальных системах и процессах» (Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С.3).

без проникновения в ту самую объективную реальность и одновременно в то, как мы ее постигаем, не дадут результата⁴⁵.

§2. Закон и сущность. Собственное определение закона

Мы видели, что объективистский взгляд на закон намертво связан с понятием «сущность». Говоря словами Ленина, «закон есть отношение... Отношение сущностей или между сущностями»⁴⁶. Поэтому, рискуя повториться, вновь резюмирую свою точку зрения.

Понятие **сущностное (сущность)** в традиции, идущей еще от Платона, противопоставлялось **существованию** как нечто вечное, неизменное и независимое от своих форм преходящему, неглавному, которое приобретает характер своего рода антуража (хотя нередко оказывается, что именно неглавное и было главным). Сущность становится как бы раз и навсегда установленной, а рассуждения ведутся так, словно наука имеет дело только с абстрактными и идеальными понятиями (вроде геометрических объектов)⁴⁷.

Такое понимание сущности роднит марксизм с объективным идеализмом, с которым Маркс и Ленин столь яростно боролись⁴⁸. Но подобной сущности в реальности, как мы видели, нет. А есть лишь предметы и явления, в которых мы

---

⁴⁵ На мой взгляд, поэтому были обречены на неудачу все попытки спасения истмата с помощью развития методологии, разработки теорий уровней, аспектов и т.п. (сами по себе в некоторых отношениях потенциально плодотворные). Теория требовала ревизии своего содержания и формы одновременно.

⁴⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.142.

⁴⁷ «Спекулятивная философия во многом исходила из того, что необходимость в универсальности означает, что во Вселенной имеется сущность, не Дозволяющая какие-либо взаимоотношения вне ее самой, что (в противном случае) было бы нарушением ее рациональности. Спекулятивная философия

как раз и разыскивает такую сущность» (Уайтхед. Указ. соч. С. 273). В нашей

рафы рассказывают, что пастухи у некоторых варварских народов не знают счета и определяют целостность своего стада не по количеству голов, а по внешнему виду, безошибочно определяя, что нет одного-двух животных. Но, разумеется, такой способ пригоден, лишь когда речь идет о сравнительно небольших количествах. Поэтому-то у культурных народов математика появилась как одна из первых наук. Следовательно, человек эволюционизировал именно в том, что стал постигать и анализировать действительность по-иному, или, говоря современным языком, он нашел новые способы получения, хранения, развития и передачи информации. Они выражались в абстрактных понятиях, категориях, законах, в которых реальность как бы зашифровывается и при знании «кода» (языка) может быть расшифрована. Одновременно они стали также, как уже говорилось, некими клише. После изобретения письменности, появления науки процесс этот приобрел глобальный характер. А «шифровка» и «расшифровка» стали требовать все более сложных правил и приемов, совершенно не похожих на простое отражение.

Европейская наука, в отличие от восточной⁴⁹, с античности нащупывая этот путь, открыла наиболее удачный способ познания, но, разумеется, неидеальный. В XIX в., и особенно с конца его, наблюдались попытки найти более совершенные, вроде: философии жизни, феноменализма, философии всеединства (в России) и т.п. Но они не доказали коренных преимуществ перед рациональным типом мышления.

В истории человечества имеется масса примеров, когда люди становились заложниками и идолопоклонниками собственных изобретений. Не так ли случилось с идеей души, вызвавшей крайне утомительный культ мертвых? Не обожествляли ли веками золото, как некий особый материал, порождающий стоимость? Не считали ли таинственной письменность? Не превращали ли в культ числа? В чем-то сходное произошло и с понятиями, категориями и законами, что

---

⁴⁹ В ряде восточных философий, где действовал принцип «недвойственности мышления, т.е. целостный взгляд на мир», при котором господствует «тип связи — «одно в другом», точнее «одно во всем и все в одном» (см.: Запад и Восток. Традиции и современность. М., 1993. С. 144), во многом напоминал стремление погрузиться в действительность, слиться с ней, постичь ее целиком. Конечно, если бы это удалось, никакая наука была бы не нужна, как ненужной она казалась людям религиозного типа, претендовавшим на то, что им явилось «откровение свыше». Но — при отдельных прозрениях — такой путь вел в тупик.

выразилось в их абсолютизации и приписывании им неких особых сущностей. Подобное Карнап называл «магическим взглядом на язык»⁵⁰.

Итак, нельзя смешивать и отождествлять факт объективного существования предметов, явлений, связей, причин и - п. т.е. того, что можно обобщить и дальше называть реальностью и наши представления о ней, формулируемые как законы.

Стоит оговориться, что автор понимает под реальностью или объективностью. Это означает, что он не стоит на позиции субъективного идеализма и не полагает, что вне нашего сознания нет ничего, о чем можно было бы с уверенностью говорить. Напротив, я твердо убежден, что можно говорить о принципиальной независимости мира от нашего сознания. Условно говоря, это довольно близко к позиции ряда направлений современного реализма (чтобы не входить в тонкости)⁵¹. Хотя возможности познания в целом ограничены, но практически их можно считать безграничными⁵².

Однако признание реальности мира не только не снимает проблемы взаимоотношений познающего и познаваемого, но, напротив, ставит ее во всей полноте. Эта современная «апория Зенона» вызывала, вызывает и будет вызывать бесконечные споры, поскольку раз и навсегда ее не решить.

---

⁵⁰ Карнап. Указ.соч. С.70.

А Карл Юнг образно пишет: «Следовательно, если мы осознаем ограниченность нашего разума, то тем самым проявляем здравый смысл. Признаю, что таким образом мы прощаемся с чудесным миром, в котором живут вещи и предметы, созданные нашим разумом. Это мир первобытного человека, в котором даже неодушевленные предметы наделяются животворящей и магической силой, посредством которой они участвуют в нашей, а мы — в их жизни. Мы должны понять, что их сила и значительность, по сути, была нашей собственной силой, нашей проекцией. Теория познания — это лишь последний шаг человечества, которое вышло из своего детства, из мира, в котором образы, созданные разумом, населяли метафизический ад и рай» (Юнг К. Йога и Запад. Львов-Киев, 1994. С.178).

⁵¹ «Для наших целей достаточно определить «реальность» как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания {мы не

а результат очень сложной и во многом спорной реконструкции исторической реальности. Недаром такую реконструкцию порой сравнивают с воссозданием событий преступления в мозгу следователя, выводы которого могут радикально измениться от ничтожных вещей: волоска, окурка и т.п.

А ведь наши представления о ряде исторических периодов базируются нередко прежде всего на одно« Письменном источнике (например «Повесть временных лет»). При всех успехах критических методов, интерпретаций и проверок таких источников, воспроизвести опущенные в них события невозможно. И если находится другой документ, историческая картина во многом меняется. Аналогично датировки каких-либо событий по археологическим находкам могут отдалиться или приблизиться на тысячи лет, в зависимости от обнаружения ничтожных останков (например пары зерен для хронологии земледелия).

Если мы говорим, что закон — сами связи, реальность, то значит, речь идет не о более или менее верных формулировках, а о единственно верных и остальных неверных. Если законы — сама реальность, то они не должны меняться раз от раза в связи с революциями в науке; если они — наши представления о реальности, то, поскольку **мы никогда не охватываем ее целиком во всем многообразии, могут быть разные способы ее объяснения и, стало быть, более или менее полно, глубоко, удобно описывающие ее формулировки законов.**

Ведь мы препарлируем единую, неразрывную, взаимообусловленную в своих частях действительность, условно разъединя в своем существовании неразрывное. Как сказал Ясперс: «Истину мы постигаем лишь тогда, когда исследуем не тотальную причинную связь, а определенные связи в их бесконечности»⁵³.

В своем субъективном моменте закон носит и несколько договорной (конвенциональный) характер, поскольку должен признаваться (может быть признан) учеными или их группой.

Итак, если мы ведем речь о **научном** законе, то он не может быть независимым от сознания, поскольку есть формулировка человеческого ума, которая «обусловлена историческими обстоятельствами, а субъективно — телесным и духовным состоянием

---

⁵³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 273.

своего создателя»⁵⁴. Если же мы имеем в виду ту действительность, которую описывает научный закон, то она в самом деле объективна. Но это не значит ни того, что она точно совпадает с формулировкой закона, ни того, что этот обобщенный и формализованный вывод можно прямо использовать для познания реальности⁵⁵. Нет, для этого требуются сложные процедуры приложения общего к конкретному.

Совершенно ясно, что понятие закона используется для того, чтобы уяснить и прояснить причины и следствия каких-либо явлений, чтобы показать главные и второстепенные причины для какого-то случая, выяснить возможность его повторения и т.п. Но очевидно также, что одновременно действуют множество факторов и сил, часть из которых можно считать случайными, а часть — неслучайными для данной ситуации. Поэтому ясно, что конкретный случай никогда не совпадает полностью с общей формулировкой. Поэтому, хотя законы и служат теми инструментами, с помощью которых мы ведем исследование, дать ответ на конкретные проблемы может только конкретный анализ. Отсюда ясно, что закон — не нечто абсолютное, неприкасаемое. И ученый не должен испытывать вину, если его выводы расходятся с общим правилом. Но, напротив, необходимо уяснение причин этого: то ли сам исследователь что-то упустил, то ли закон недостаточно корректен, может быть следует несколько изменить его формулировку, а может записать в «графу» исключений и т.п.

Итак, теперь попытаемся дать определение закона. Поскольку мы не отождествляем реальность и ее научное описание, перед нами фактически два понятия. Начнем с научного закона. Если кратко, то это утверждение о неких взаимосвязях, сходствах, различиях, способах существования, повторяемостях, уникальностях и других свойствах, сторонах и т.п. характеристиках объектов и явлений, которые обусловлены определенными причинами, ведут к определенным следствиям и представляются нам в данном контексте существенными,

---

⁵⁴ Маркович. Указ.соч. С.9.

⁵⁵ Можно говорить о проявлениях или подтверждениях закона, но неверно утверждать, например, что общественная закономерность — «объективно существующая, необходимая, существенная, повторяющаяся связь явлений общественной жизни...» (Философская энциклопедия. Т.2. С. 153), поскольку объективно существуют лишь многообразные связи, а закон только объединяет и более или менее верно описывает их.

позволяющими сделать те или иные выводы или даже предсказания. Закон есть утверждение о том, что при строго определенных условиях с определенными объектами и т.п. произойдут или, систематизирует приемы использования и интерпретации познавательных средств. И ясно, что для анализа действительности не обойтись одним-двумя законами, нужны довольно сложные и строгие методики. Попутно отметим, что хотя бессмысленно пытаться менять традиции употребления тех или иных выражений, но, используя переносный смысл, метафоры и одушевления (типа: «законы действуют, заставляют, пробиваются сквозь препятствия», «способ производства определяет формацию», «новые производственные отношения растут внутри старых» и т.п.) ученый должен держать в уме особенность подобного словоупотребления и всегда уметь перестроить фразу так, чтобы она была научно корректна. Тогда можно надеяться, что сущности у него не заживут самостоятельно.

В-третьих, очень важно то, что закон толкуется широко, что внутри этого понятия можно увидеть целый ряд во многом не сходных типов. Мне кажется, что это лучший способ попытаться, не отбрасывая генерализирующих, обобщающих методов, подбирать и более адекватные приемы для решения конкретных проблем. Другими словами, это попытка совместить достоинства разных методов.

Мы правильно утверждали, что корректнее говорить лишь о научных законах. Но было бы совершенно бесполезной попыткой исключить из употребления понятия законов природы и общества. Поэтому разумнее подумать над тем, как определить закон и в этом аспекте. Просто следует помнить об особенностях употребления данного понятия.

Итак, законом природы и общества можно назвать условно выделенные нами часть, сторону, аспект и т.п. целостной реальности, у объектов и явлений которой в данных границах мы обнаруживаем определенные общие свойства, причинно-следственные связи и т.п.

Если мы осознаем, что закон именно **условно выделенная часть реальности**, то многое станет понятнее. Так, если сама реальность независима от сознания, то выделение некоего сектора, участка, «поля применения» ее всегда более или менее условно, а, следовательно, больше или меньше зависит от познающего субъекта, уровня знаний, интереса, научной задачи и т.п. Следовательно, и сам закон не может

быть объективным, тем более, что мы видим возможность вылечить (опять-таки условно) множество уровней и аспектов, охватываемых разными законами, но в которые включены те же самые объекты и явления⁵⁶. Условность деления неделимого ведет к неизбежным натяжкам, спорным и пограничным случаям. Причем неточности и неверности в определении «зоны действия» закона рано или поздно, но становятся очевидными. Собственно критика законов чаще всего и происходит с позиции неправомерности его «притязаний» на «чужую территорию», несоответствия между реальным и декларируемым «полем применения». Сказанное плюс то, что каждый исследователь может по-своему видеть границы и аспекты анализируемого материала, достаточно объясняет возможность альтернативных вариантов формулирования законов.

Как сказано, в одних случаях проще, в других — сложнее отграничить эту часть действительности. И чем условнее такое деление, тем важнее диалектика объективного-субъективного. Особенно при анализе общества, где, кроме указанного, есть еще субъект-объективность общественных бытия и сознания.

На правильность выбора сферы и границ закона влияют, кроме свойств самой реальности, множество далеких от нее факторов. Все это вызывает те или иные несоответствия между ней и нашими выводами. Тем не менее поиск наиболее удачного «дробления», а затем «складывания» этих «кусочков» действительности в «мозаику» наших представлений и есть процесс уточнения, коррекции и открытия законов.

Поскольку в «океане» разнородности видимый порядок царит отнюдь не всегда, постольку часто нам приходится в известной мере как бы вносить его при описании этой действительности, ибо научный метод требует логики, системности и т.п. Как говорил Манхейм, «ясность всегда существует в стихии неясного»⁵⁷. А Арон подчеркивал, что социолог должен подавать «социальный или исторический материал более осмысленным, чем он был в опыте реальной

---

⁵⁶ «... Если предположить, что природная среда — это совокупность определенных объектов, характер которых может быть понят нами только частично, то из этого следует, что нам известны только некоторые законы, действующие

рят и о законах-тенденциях, подчеркивая их менее строгий характер⁵⁸.

Таким образом, следует строго различать: **неизбежно — значит, предопределено, фатально.** Это провиденциалистский взгляд на историю. **Закономерно – значит, обусловлено вполне конкретными причинами, имеющими для этого необходимые условия.** Если стоять на базе более широкого толкования законов, то, рискуя шокировать читателя, я должен сказать, что, с определенной точки зрения, **любое совершившееся событие можно считать закономерным.** Ибо раз оно случилось — значит, какие-то необходимые условия для этого сложились. В §4 мы еще будем подробно говорить о том, что любое анализируемое событие можно поместить в несколько парных (антагонистических) рядов. Примером такого парного ряда и будет **неизбежность — случайность.** Поэтому любое событие можно увидеть и как неизбежное (ведь оно, а не другое случилось!) и как случайное. Иной раз оно ближе к предопределенности, поскольку нет никаких других сил, способных его изменить. Иной раз совершившееся кажется чистой случайностью.

Зададимся вопросами: закономерно ли появление жизни на Земле? Появление человека? Образование державы Александра Македонского? И т.п. Если под закономерным понимать неизбежное, то нет. Для каждого из этих и многих других событий нужно было совпадение множества вещей. Но если закономерно — значит, **обусловлено совершенно определенными причинами, при нужном совпадении которых оно становилось неизбежным, тогда да, закономерно.** Иными словами, совпадение нужных причин и в нужном месте, времени и т.п. — не неизбежно и нередко даже случайно. Следовательно, закономерность не синоним неизбежности, однако ту или иную долю ее (причем колебания огромны) всегда включает. При этом соотношение неизбежности и случайности очень различается в зависимости от близости события ко времени совершения. **При совпадении необходимых условий ситуация с определенного момента, когда основные условия уже сложились, больше и**

---

⁵⁸ Хотя в принципе любой закон — только тенденция, имеющая ту или иную вероятность реализоваться. Но возможность такой реализации лежит в промежутке от 0 до 100%. Поэтому для некоторых типов законов указанная категория может быть приемлемой и нужной.

больше приближается к неизбежности, все еще не достигая ее. Всегда что-то может помешать, но с каждым новым **включением нужных вещей, вероятность помех уменьшается.** Когда Солженицын говорит, что с момента приезда Ленина в Россию Октябрь становится неизбежным, фатальным, он скорее всего прав. Уже нет сил, чтобы остановить большевиков, хотя какие-то случайности (арест, смерть Ленина и т.п.) могли бы изменить ситуацию. Но еще тремя месяцами раньше большевистский переворот казался немислмым! И так, с **какого-то момента событие, для которого требовались уникальные условия, становится все ближе к неизбежности.** Когда и как случается такая метаморфоза — может ответить только скрупулезный анализ каждой ситуации. В момент же своего совершения событие становится окончательно неизбежным в том смысле, что уже перешло из возможности в действительность и потому необратимо. Но это не значит, что оно и изначально было неизбежным, фатальным.

Теперь задержимся на очень важном для анализа общественных явлений моменте. Следует выделить большую группу событий, которые представляют собой переход к новому качеству (например промышленный переворот в Англии). Затем эти новые явления повторяются, но уже в иных условиях: заимствования, навязывания и т.п. На таких событиях очень хорошо видно сочетание особенности и повторяемости, т.е. двух противоположных взглядов на способ анализа истории. С одной стороны, они являются уникальными, потому что **любое новое качество или вообще любая существенная особенность появляется именно как результат складывания необычных условий.**

Но, с другой, они стали предметом подражания, заимствования, навязывания, т.е. в каких-то моментах повторились. В них одновременно есть и повторяемость (черта классического типа закона) и уникальность. Что важнее, зависит, конечно, и от самого события и от того аспекта, в котором их рассматривают.

Таким образом, мы видим сложную диалектику перехода единичного и уникального, если оно доказало свое превосходство, силу и прочее, в повторяющемся. И наоборот: начавшись как рядовое и типичное, событие может перерасти в исключительное. И отсюда понятны упрощения, когда история трактуется либо как цепь неповторимого, либо как разворачивание детерминистского закона.

События в истории — если их толковать как единичные —

снимает остроту спора о наличии-отсутствии законов в истории. Действительно, законов, которые бы одинаково и неизбежно проявлялись и в большом, и в малом, в масштабах и всемирной истории, и исторического эпизода нет и не может быть. Но законы, которые позволяют нам находить общие черты в разных обществах, видеть этапы развития человечества, движущие силы перехода к новому и т.п., есть. Однако они фактически представляют целую систему логически соподчиненных формулировок, правил и процедур, с помощью которых можно пытаться применить общие выводы к частным случаям. Кое-что об этих правилах я скажу в этом параграфе и буду к ним возвращаться на протяжении всей книги.

Но все же, чтобы у читателя не сложилось представление, что релятивизм, на котором я специально акцентирую внимание, ведет к полной анархии, что он по сути несовместим с признанием законов, «отрицает» их, придется сделать дополнительные пояснения гносеологического и логико-методологического характера, чтобы моя позиция стала абсолютно ясной.

Нет сомнений, что можно привести множество примеров автоматизма законов, свидетельствующих, на первый взгляд, о верности представления о том, что они есть «отношение между сущностями», а мы можем почти на сто процентов предсказать результаты. Так, зерно прорастает, вода испаряется, политические партии при демократии борются за влияние на избирателей и т.п.

Но такая «ясность», как уже сказано, характерна для неразвитой науки, которая представляет законы как нечто такое, что скрыто под грудой явлений и до чего необходимо докопаться⁵⁹. Затем эти представления заменяются (хотя сам процесс замены весьма болезненный) более сложными теориями познания⁶⁰.

---

⁵⁹ Г. Башляр отмечал, что наука прошлого была устремлена на овладение (в смысле познания) реальностью, трактуемой как внешний объект, как «вещь», скрытая от человеческого взора броней «явлений». К ней, этой глубокой реальности, нужно было прорваться (в той мере, в какой это вообще возможно), раскопать ее под грудой явлений (см. Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 17-18).

⁶⁰ Попутно замечу, что крупные историки (М.Вебер, Р.Коллингвуд и др.) часто были вынуждены обращаться к проблемам гносеологии просто потому, что их к ним подводила логика исследования. Без ответа на эти базовые вопросы нельзя было решить и те, что волновали их в первую очередь.

Чтобы лучше представить, почему эти перемены неизбежны и в каком направлении они могут идти, рассмотрим такой пример. Вот перед нами некий закон исторического развития, который связывает поступательный ход истории с изменением форм собственности на средства производства (поскольку она определяет также и тип эксплуатации, и многое другое). Сначала идет рабовладение, затем в средние века его сменяют феодализм и крепостничество, а в новое время — капитализм и наемный труд (но капитализм в нашем случае мы рассматривать не будем). При определенном объеме фактов такая схема кажется убедительной и логичной (а при широком распространении — естественной). Но вот число фактов растет, дополнительные исследования показывают, что в древности в большинстве обществ рабство было слабо распространено, а положение рабов отличалось от положения рабов античности; а в средневековье во многих государствах частной собственности на землю почти не было, как не было и крепостничества.

И тогда возникает научная проблема. Если для нас невыносимо, невозможно отказаться от привычного взгляда, если мы твердо стоим на том, что закон — это сама реальность, то мы неизбежно начинаем объяснять несоответствия теории и исторических данных исключениями, случайностями, так интерпретируем факты, чтобы пригладить их. Говоря словами А.Я. Гуревича, мы пытаемся «подменить конкретную закономерность общественного развития общим социологическим законом и растворить в нем без остатка и причинность и иные формы взаимосвязи исторических явлений»⁶¹. Так нарастает кризис научных парадигм, который подробно описан, в частности Т. Куном⁶². Но если мы идем по другому пути; по пути поиска выводов, более отвечающих фактам, например, как в данном случае, пытаемся расширить

---

⁶¹ Гуревич А.Я. Об исторической закономерности. С. 64-65.

⁶² Как отмечает Л.И. Новикова, когда теоретическая система прочно утверждается, «возникает иллюзия конечности знания и вечности, незыблемости

релятивизма мы не обходимся⁶³. И признание или непризнание этого принципа — своего рода лакмусовая бумага, по которой можно определить, каких взглядов на научные законы придерживается ученый. Считает ли он их своего рода познавательными инструментами, удобными в одном и неудобными в другом случае, или он тяготеет к тому, чтобы видеть их абсолютными, всегда и везде верными, непререкаемым авторитетом.

Классическое толкование закона так же устарело, как и та научная база, на которой оно возникло. С появлением неевклидовой геометрии, неньютоновской физики, негегелевской философии и философии истории, неконттовско-марксовской социологии, непозитивистской истории и т.п. должно меняться и понятие закона. Отсюда мы должны осознавать, что **реальность нельзя охватить одним или несколькими главными законами**. Если корректно, то ее можно сравнить с плоскостью, а закон с прямой. Прямая хоть и пересекает плоскость, но на ней таких линий можно провести бесчисленное количество и в любых направлениях.

Любой закон какие-то случаи объясняет полностью, они служат как бы хрестоматийными его примерами, какие-то — частично, третьи почти не подпадают под его действие, а иные вообще ему противоречат и т.д.

Если трактовать закон только как неизменный, естественный, то приходится придумывать множество дополнительных пояснений, так называемых законов для конкретного случая. Но, если мы знаем «природу» обобщения, особенности «поведения» фактов, объединенных в закон, неизбежность пограничных или вообще

---

⁶³ Он предопределен уже сменой интересов. Вчера, например, мы рассматривали Октябрьскую революцию как закономерное и в главных чертах повторяющееся явление. И в известной мере в смысле образования социалистических государств она и была такой (иное дело идеологическая и историческая оценка социализма). Сегодня мы рассматриваем ее как трагическое и во многом случайное событие, хотя и сделавшее эпоху в мировой истории. Вчера в западной науке марксизм рассматривался как некий вылом, «урод» мировой мысли, сегодня Маркс ставится в ряд великих ученых. Вчера мы рассматривали революцию в информатике как явление, присущее только нынешней эпохе, сегодня всю историю начинаем трактовать как движение к усложнению средств и систем информации. И в этом нет ничего странного. Если научные законы есть формулировки нашего ума, то совершенно естественно, что в одни эпохи нас больше занимают одни аспекты, в другие — другие, сегодня открываются такие углы зрения, о которых вчера не думали и не подозревали. Люди познают реальность не тотально, а выборочно.

необъяснимых случаев⁶⁴ и т.п., то нам гораздо легче все эти расхождения понять. Вопрос, следовательно, не в том, чтобы все случаи, описанные законом, происходили аналогично и были яркими, очевидными. Напротив, то, что закон условно делит целое на части, позволяет изначально предполагать, что какие-то его проявления будут очень наглядными, а какие-то малозаметными или вовсе незаметными. (К этому мы еще вернемся чуть позже.) Важно, чтобы избранный нами закон имел возможно меньше противоречий, исключений и натяжек. А сформулировать его, или говоря более привычно, открыть легче, если яснее понимаешь методологические и логические основы совершения такой мыслительной операции. Например, исходя из принципа относительности, для ряда обобщений можно признать теоретически равноправными все случаи, подпадающие под какой-то закон, хотя бы данное качество в одних было очень ярким, в других — малозаметным. Важно, что оно есть в той или иной пропорции везде. Так, анализируя вышеприведенный пример, выделяющий стадию внеэкономического принуждения (отчуждения), мы понимаем, что рабство — более наглядный пример такого отчуждения, чем, допустим, умеренная налоговая эксплуатация. Но в данной ситуации для анализа это не столь важно. Зато при иной задаче появляется желание выделить именно главные и неглавные, «чистые» и «смешанные» и т.п. случаи. И тогда факт яркости проявления будет определяющим⁶⁵. Но когда мы нарушаем методологию, например, объявляя феодализм универсальной стадией развития всех обществ, а его теоретическую модель «списываем» с обществ-«эталонов» (Илюшечкин), скажем, с Франции, то это ведет теорию в тупик, к жесткому конфликту с практикой. Суммируя сказанное, можно было бы описать условную структуру того объема фактов, который охватывает закон, как она видится автору. Есть центральная часть его (ядро). Здесь закон в основном корректен.

---

⁶⁴ «Итак, жизнь есть конкретное, неразложимое единство логического и алогического (т.е. закона и случайности. —Л.Г.), только из этого положения становится понятным факт знания — и философии, и науки, и даже в нашем самосознании мы находим этот же самый живой синтез логического и алогического» (Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Т.1. С.68).

⁶⁵ В следующей части, где пойдет речь о моделировании исторического процесса, я попытаюсь показать, как и когда можно использовать оба таких способа.

какой силой? В какой пропорции? Каковы исключения? И т. п. Ничего этого нет. В лучшем случае для некоторых законов описаны фазы цикла (как для закона соответствия производственных отношений производительным силам). Когда такие абсолютные законы начинают прилагать к исторической реальности, часто забывают, что закон действует не вопреки всему, а лишь при определенных условиях. Поэтому каждый раз все точнее определяя эти условия, мы глубже постигаем реальность. Только самый тщательный анализ какого-либо общего закона на предмет, когда и в каких ситуациях он реализуется наглядно, а в каких менее наглядно, а то и с обратным знаком, в каких только существует в потенции и т. п., позволит нам сделать дефиниции предельно точными, либо объявить формулировку закона неверной.

Эта же процедура позволит нам лучше понять, как взаимодействуют разные законы между собой, когда они суммируются, взаимно погашаются, частично суммируются, частично погашаются⁶⁶ и т. п. Как, например, в физике законы давления и упругости, движения и трения и т. п. Только так можно достичь большего соответствия наших выводов и реальности, и не нужно пытаться под раз сформулированный закон подводить все случаи, доказывая, что в той или иной ситуации он налицо, когда это не так или не совсем так⁶⁷.

Увидим справедливость сказанного на примере. Сформулируем указанный выше закон о бытии и сознании так: общественное бытие определяет общественное сознание с тем большей силой, чем яснее осознается в обществе эта зависимость. Это закон в прямой пропорциональности. Но можно сделать и в обратной: чем жестче и неподвижнее общественное сознание, тем слабее влияние общественного бытия на него. Я думаю, что с последней

---

⁶⁶ «Какая-нибудь причина может быть ослаблена другой, ее действие может быть даже совершенно уничтожено; но ошибочно было бы заключать отсюда, будто эта причина вовсе не существует» (Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса. М., 1938. С. 22).

⁶⁷ Например, несмотря на то что во многих древневосточных обществах рабство не имело определяющего значения, тем не менее, эти общества — рабовладельческие. Но если бы мы сказали, что в обществах, где существует внеэкономическое отчуждение (в тех или иных пропорциях), существовало и рабство (предварительно дав ему определение), наше утверждение было бы много точнее. И было бы еще лучше, если бы мы могли выявить, при каких обстоятельствах рабство становится определяющим, при каких — нет и где — как крайний случай — его не было вовсе.

формулировкой могли бы согласиться и многие ярые противники идеи о том, что бытие определяет сознание. Можно из общей формулы выстроить и другие⁶⁸. **Не будем сейчас обсуждать корректность таких утверждений (в свое время мы вернемся к этим проблемам). Но совершенно ясно, что, например, в первобытном обществе или при господстве нетерпимых к инакомыслию религий связь эта будет совсем иная, чем в обществах с развитой наукой и гибкой идеологией.**

Ясно также, что зависимость, указанная в законе, ярко проявляется лишь в отдельных случаях (как в законах тяготения с участием тел с большой массой). Этот рубеж можно было бы даже назвать **критической точкой (порогом)** наглядности. В других случаях закон проявляется скрыто или даже с обратным знаком. Для общественных законов вообще момент **проявляемости, зримости законов**, на мой взгляд, исключительно важен. Ведь, во-первых, число случаев для сравнения ограничено и понять, что закономерно, а что случайно, трудно⁶⁹, во-вторых, часто важен сам момент особенности; в-третьих, из-за слабой разработанности представлений о том, как взаимодействуют законы (то, что Энгельс называл параллелограммом сил), а также и по другим причинам.

Наглядность выражения какого-либо закона нередко вызывает желание найти истоки этого явления, или точно определить причины такой зависимости. Но если данный момент абсолютизировать, то

---

⁶⁸ Например, чем отчетливее ощущается в обществе зависимость общественного сознания от общественного бытия, тем точнее первое объясняет второе и тем быстрее реагирует сознание на проблемы. Отсюда можно сформулировать и правило воздействия сознания на бытие. Однако, чтобы достичь конкретности, нужно спуститься еще на несколько ступенек. Вот весь этот комплекс выводов и объединен принципом: «Бытие определяет сознание». Из данного рассуждения видно, как оторвались философские обобщения от конкретики и как им не хватает методик для их развертывания.

⁶⁹ «... О социальных явлениях скорее, чем о всех прочих, можно сказать, что благодаря их сложности, только сравнением многих примеров сделается возможным отличить основные соотношения от поверхностных» (Спенсер Г. Основания социологии: В 2 т. Т.2. С. III // Спенсер Г. Соч Т. 1-7. Киев-Харьков- СПб. Т. 4). Но добавлю — чем шире сравнение, тем больше уходит в «поверхностное».

можно совершить ошибки⁷⁰. Следовательно, надо отдавать себе отчет в том, что же именно в этом случае для нас важнее — само проявление закона, его зримость, или подчинение какому-то правилу, хотя бы и не везде выделенная нами «сущность» была очевидной.

Например, если нас интересуют причины мощного рывка Европы в XV-XVI вв., в отличие от Азии, мы, очевидно, сосредоточимся на поиске именно особенностей (отличий) западных стран: развитии частной собственности и техники, наследии античности, христианстве и т.д. Здесь целесообразно использовать истматовский закон неравномерности развития, а также тот, что я называю законом перехода к новому качеству. Но если мы анализируем всю индустриальную (капиталистическую) формацию в целом с XV по XX в., то мы должны рассматривать не только европейские страны, но и страны других континентов, подчеркивая прежде всего общее, а уже потом особенное, отличное.

Аналогично поступаем мы и в ситуации, когда надо сделать выбор между необходимостью показать весь процесс от начала до конца и его кульминационными моментами. Как мне представляется, начало формации целесообразно объединить с ее зрелостью. И тогда, например, формация, основанная на земледелии и скотоводстве, не будет разорвана между первобытным строем и классовыми формациями, как это сделано в истмате. Но если мы анализируем наиболее характерные формационные черты, есть смысл брать их именно в период зрелости, когда они полностью сформировались, но еще не перезрели.

Приведенные примеры еще раз доказывают следующее: при анализе конкретного случая любого уровня невозможно обойтись без общих законов, но эти законы нельзя использовать прямо, а только с помощью ясных, осмысленных правил, процедур и пояснений. Ведь глобальные законы, в том числе и касающиеся мирового исторического процесса, это уже «многоэтажные» абстракции, где мы несколько раз «выжимали» из сущности низшего порядка сущность высшего. Здесь уже обобщена сущность в 14-й степени, а потому выделенное общее

---

⁷⁰ Наглядность иногда сбивает с толку, ведет по ложному следу. Так, всеобщность частной собственности при капитализме привела марксизм к «обнаружению» ее решающей роли там, где она была едва заметна.

настолько растворено в отдельном, что увидеть его крайне сложно⁷¹. И так же, как мы «сворачивали» в конкретность абстракцию, так же должны «разворачивать» абстракции в конкретность. Правила перехода от общего закона к конкретному случаю Карнап называл «правилами соответствия»⁷². Над ними надо постоянно работать и – главное – не забывать о них⁷³. Но приведенные выше примеры также убеждают нас в том, что найденные аспекты, удачные для решения определенной задачи, нельзя абсолютизировать и бездумно, механически переносить на другие. Подобная, крайне распространенная практика привела к тому, что дискуссии о теоретических проблемах истории напоминают спор глухих. Оппоненты не слышат друг друга и не понимают, что спорят о разных сторонах одного и того же, что их точки зрения вполне совместимы.

Сделаем еще один весьма важный в практическом плане вывод.

Законы (тем более общественные) широкого плана объединяют в себе ряд вариантов, более или менее сходных между собой. Сходство может существенно колебаться в зависимости от анализируемой реальности, достаточности фактов и точности анализа⁷⁴. Иными словами, когда речь идет о законе, касающемся многих в какой-то мере похожих объектов и значительных промежутков времени, скорее, удивительно, если везде закон будет проявляться одинаково. И, напротив, естественно, если он имеет варианты. Поэтому – возвращаясь к уже приведенному примеру – отметим, что, когда стараются подогнать восточные общества периода средних веков под западный европейский феодализм, совершают методологическую ошибку, ибо здесь заранее следует предполагать различия, а сходства искать на более высоком уровне. Отсюда можно

---

⁷¹ А ведь мы не должны упускать из виду, что в истории видимость событий особо важна.

⁷² Карнап. Указ. соч. Гл.24.

⁷³ «Возможность открытия универсальных законов нельзя исключить, однако и в этом случае применение их к конкретной ситуации потребует целого ряда процедур интерпретации с учетом множества частных законов низших уровней общности» (Розов Н.С. Указ. соч. С.84).

⁷⁴ Причем чем лучше и детальнее изучен закон, тем чаще можно заметить: а) больше разнообразия в его проявлениях; б) больше различных переходных случаев, так что, когда мы начинаем варианты классифицировать, видим плавность переходов от одного к другому; в) точнее выделяется общее.

сделать вывод: закон проявляется тем различнее, чем он шире и абстрактнее. Таким образом, общий закон, например закон формационного перехода, по самому своему смыслу, по своей идее всеобщности будет проявляться во многих вариантах и в то же время отражать то общее, что существует во всех них. **Вариантность – вторая сторона медали широкой абстрактности.** Все сказанное достаточно очевидно, если помнить, – что закон (каким бы строгим он ни казался — даже физический) выражен в общей форме. Следовательно, не может применяться автоматически. Чтобы для каждого случая получить верный результат, надо знать множество вещей. Так, в законе всемирного тяготения нужны: массы тел, расстояние между ними. А для случая, когда опускается парашютист, — сопротивление воздуха, сила ветра, скорость самолета и пр. и пр. Еще больше факторов в истории, к тому же их сложнее «взвесить» по важности. Следовательно, **каждый конкретный случай проявления закона есть неповторимое сочетание закона данного, других и случайных по отношению к нему вещей.** Отсюда видно, что законы не могут проявляться жестко, а лишь как **вероятность**⁷⁵, которая, условно говоря, есть сочетание: закон(ы) плюс случайность(ти). Иначе: **закон проявляется не всегда, и его конкретное «исполнение» может быть особым** (причем часто сложно понять очередность, возможность той или иной комбинации). Поэтому и нельзя смотреть на законы как на нечто абсолютно непререкаемое. В то же время расхождение теории и реальных фактов – это своего рода «красная лампочка», сигнал тревоги, на который следует отреагировать и теоретику, и практику, но не подгонять факты под теорию и не пугаться полученных результатов, не отрезаться от них, если они обоснованы.

Посмотрим теперь, что следует из сказанного для теории исторического процесса. Во-первых, что уровней обобщения можно выделить много. В принципе их столько, сколько требуется для решения тех или иных задач. Иными словами, мы сами выбираем масштаб, необходимый для наших измерений. Но при анализе проблем исторического процесса совершенно необходимо четко выделять хотя бы два крайних уровня: отдельного общества и человечества,

---

⁷⁵ «Не прибегая к понятию вероятности, мы, как ни старайся, не могли бы найти объяснения для каждого конкретного случая» (Уайтхед А.Н. Указ. соч. С. 512).

поскольку в мировой системе место и роль каждого общества весьма специфичны. Само собой, можно группировать общества в подсистемы, т.е. представлять средние уровни.

Как только мы переходим от декларации о необходимости соблюдать уровни к реализации этого принципа, так сразу обнаруживаем, что для крайних уровней используются (причем без строгого разделения смысла) одни и те же категории и законы. (Теснейшая связь категорий и законов самоочевидна, кое-что о ней мы скажем в следующем параграфе.) На мой взгляд, неправильно, нерационально и неудобно пользоваться одним и тем же понятием и для анализа конкретного общества, и для модели мирового развития. **Для главных уровней должны быть особые категории.** Эту проблему я пытаюсь решить в следующей части.

Такой подход неизбежно меняет и законы. Если, например, термины «производительные силы» и «производственные отношения» оставить только для уровня отдельного общества, а не всего человечества, то у общеизвестного закона их соответствия меняется и масштаб, и характер. Во-вторых, подытожим следствия из того, что то или иное общество (событие и т.п.) можно рассматривать либо как явление в ряду аналогичных, либо как особое. (Например, Октябрьская революция может быть представлена и как одна из многих социальных революций, и как совершенно уникальная.) Ясно, речь не идет о том, что здесь господствует полная софистика. Мысль в том, что истина не абстрактна, не дана на все случаи, а конкретна. Наша задача определяет наш угол зрения, и, в свою очередь, определяется уровнем науки и ее потребностями. Следовательно, между разными точками зрения часто нет китайской стены, нужно лишь научиться правильно переходить от одних к другим. Поэтому стоит вновь подчеркнуть: **для решения разных задач необходимы разные средства анализа, в том числе потребность в использовании тех или иных законов и категорий**, и, следовательно, «необходимо разрабатывать столько логик, сколько существует объектов любой природы»⁷⁶.

Башляр отмечает, что «философия науки как бы тяготеет к двум крайностям, к двум полюсам познания: для философов она есть изучение достаточно общих принципов, для ученых же — изучение

---

⁷⁶ Башляр Г. Указ.соч. С.252.

преимущественно частных результатов»⁷⁷. Но это не просто дуализм. «Напротив, эпистемологическая поляриность, о которой мы говорим, на наш взгляд, свидетельствует, скорее о том, что каждая из философских доктрин, называемых нами эмпиризмом и рационализмом, эффективны в своем дополнении друг к другу. Одна позиция завершает другую»⁷⁸.

Но ведь кроме этих есть еще множество других аспектов. И чем больше правомерных аспектов и углов зрения удастся найти и так или иначе совместить, не теряя логики, тем больше объективности сумеем достигнуть. Из ряда способов описания действительности каждый может быть верным, но какие-то лучше, проще, точнее и т.п., чем другие⁷⁹. И при прочих равных условиях предпочтительнее тот, который найдет возможности совместить противоречия, разные подходы, одновременно точно определяя пределы применения каждого и ясно обосновывая причины принятия тех или иных концепций и их преимущества.

В-третьих, неправомерны такие (нередкие в последнее время) утверждения: «Именно на частные законы нужно делать главную ставку в социальных науках»⁸⁰. Такое противопоставление есть просто вариации на тему о наличии-отсутствии законов в истории. Само собой, что уровень и масштаб познавательных средств, в том числе и законов, избирается в соответствии с материалом и задачей. И об этом уже шла речь неоднократно. Но в данном утверждении скрыта мысль о том, что есть законы полезные и плодотворные, а есть бесполезные. И бесполезными являются именно макрозаконы⁸¹. Поскольку прежде наиболее «полезными», напротив, считались именно всеобщие законы, постольку можно сказать, что вышеприведенное утверждение основывается на все том же устаревшем классическом представлении о

---

⁷⁷ Там же. С. 161-162.

⁷⁸ Там же. С.163.

⁷⁹ Французский физик Пуанкаре один из первых осознал это и обосновал для физики. Р.Карнап, рассуждая по поводу этих идей Пуанкаре, отмечает их огромную методологическую важность и называет разные способы получения правильного ответа «эквивалентными теориями». Причем подчеркивает, что идея об эквивалентности ведёт к более глубокому пониманию структуры пространства в теории относительности (см.: Карнап Р Указ. соч. С.211). Тем более это важно для общественных наук, где, кроме прочего, еще присутствуют Ценностные, моральные и прочие суждения.

⁸⁰ Розов Н.С. Указ.соч. С.84.

⁸¹ Этот термин заимствован у А.Я.Гуревича.

законе. (Только вместо прежнего признания верховенства его теперь «революционно» свергают). Уместно напомнить: чтобы пользоваться частными законами, их надо еще правильно вывести. А для этого недостаточно опираться на конкретные исследования, необходимо привлечь и широкие обобщения. Ведь частные законы в любом случае так или иначе связаны с общими, а нередко прямо вытекают из них. Если же полагать, что можно вообще обойтись без общих принципов, то это значит повторять ошибки и не учитывать опыт других наук. Карнап писал по этому поводу: «Вначале ученые могли гордиться открытием сотен законов. Но по мере увеличения числа таких законов, они стали беспокоиться по поводу такого состояния дел. Поэтому физики начали искать фундаментальные, объединяющие принципы»⁸². Как только частных законов наберется некоторое количество, так потребуются их объединять в более крупные. Но это очень долгий путь. Поэтому, думается, для наших философии и теории истории, которые и есть системы общих законов и категорий, разумнее идти не снизу вверх, а, наоборот, спускаться с «верхних этажей» на нижние, т.е. от глобальных обобщений к частным утверждениям и законам. Это будет гораздо рациональнее, позволит ревизовать макротеорию и приспособить ее для анализа общественных явлений. Следовательно, нужно не шарахаться от общих законов, а иметь правильные методики перехода от них к конкретным проблемам.

Из сказанного, между прочим, следует, что какими бы конкретными исследованиями ни занимался историк, это не дает ему морального права игнорировать теорию и вообще не думать о ней. Лучше использовать ее осознанно, чем неосознанно пользоваться какими-то теоретическими установками⁸³.

В-четвертых, из сказанного следует, что господство устаревших взглядов на законы усиливает расхождение между философией истории и конкретной историей, между которыми не только нет сотрудничества, но, по сути, идет многолетняя «тяжба», порой

---

⁸² Карнап Р. Указ.соч. С.324.

⁸³ Ибо «историк, стоящий на уровне современной науки — всегда теоретик» (Гулыга А.В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. С. 28).

«Так же и историк лишь тогда может сделать весомые и интересные для читателя выводы, когда он охватывает в едином рассуждении широкий комплекс взаимосвязанных событий» (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера. С.29).

переходящая в прямой антагонизм. Образно говоря, между ними лежит полупустая, а то и вовсе целинная «земля». И вот эта территория должна быть заполнена методологией как теоретического, так и прикладного плана, которая позволила бы достроить лестницу с двух концов, чтобы по ней можно было спускаться и подниматься – с этажа на этаж, с уровня на уровень, т.е. переходить от теории к конкретной истории, и наоборот⁸⁴.

Уместно отметить, что методология способна также сыграть роль связи между онтологией и гносеологией в самой философии истории, если отказаться от отживших взглядов на закон, другие категории и пересмотреть теорию познания.

§4. Кое-что о типологии общественных законов

Разумеется, я не стремлюсь дать полную типологию законов⁸⁵. Важнее показать возможности этой логической процедуры⁸⁶ в отношении законов. Поэтому я остановлюсь в первую очередь на тех типах, которые, на мой взгляд, более интересны для анализа исторического процесса.

С одной стороны, типология углубляет и расширяет наше представление о законе вообще, с другой – для каждого его типа мы исследуем собственные, более близкие к конкретной реальности особенности. Определить тип закона – значит понять и характер закона. Что понимать под последним? Законы обычно нельзя обозначить только одним каким-то типом (как характер человека – одной чертой). Они есть комбинация нескольких типов плюс количественные, временные, пространственные особенности и практическая приложимость. Вот все это и есть характер (характеристика) закона.

Таким образом, различая типы законов, мы можем точнее ставить задачи и выбирать средства для их решения; видеть собственные

---

⁸⁴ «В промежутке, открываемом вследствие мыслительной деятельности между реальным объектом и объектом построенным, располагается область, охватывающая возможные формы и формальные последствия» (Мулуд Н. Указ. соч. С. 191).

⁸⁵ Например, мы не будем касаться законов больших чисел, вероятностных, статистических и ряда других.

⁸⁶ Кратко говоря, это построение на основе реальных свойств идеального образца и «приписывание» к нему явлений, обладающих в той или иной мере такими чертами. Об этой процедуре у нас еще будет речь.

выводы в более широком контексте, а также лучше представлять, что следует из них для более узких проблем; правильнее выделять общее и особенное в объекте.

Задержимся немного на том, как знания о типах законов помогают понимать и применять правила перехода от общего к частному, и наоборот. Итак, прежде всего мы ставим задачу. Какова она? Нужно ли показать особые причины, или, напротив, найти нечто общее; классифицировать явления или исследовать только определенный их класс (тип); сделать периодизацию или ограничиться одной эпохой? И т.д. Соответственно задаче мы и отбираем необходимые «инструменты». И вот тут нам пригодятся знания о свойствах, возможностях этих средств, в том числе законов. Так, мы уже видели, что в одних, более простых для анализа случаях, легче делить событие на сущность и явление, поэтому тут возможно использовать классический закона. В иных ситуациях дело обстоит сложнее, а то и вовсе приходится «вкладывать» некий порядок в кажущийся хаос. Здесь требуются другие типы (законы единичного или то, что можно назвать методом логических группировок⁸⁷). Есть законы революции и эволюции. И т.д.

При определенной теоретической подготовке еще до всестороннего исследования можно выдвинуть гипотезы, которые, даже если и окажутся неверными, послужат отправным пунктом рассуждений. Имея некоторые предположения, мы способны будем представить, и какие типы законов встретятся, и что именно в этом плане можно ждать. Разумеется, точность содержания выводов зависит от конкретного анализа, но такая методологическая подготовка во многом облегчает и даже предваряет их. Так, если речь идет о формации в целом, то обобщения не должны делаться, опираясь на результаты исследования только какого-то конкретного общества, поскольку наша цель – найти нечто общее, присущее всем обществам. А это общее растворено в конкретности, причем в каждом случае по-разному. Следовательно, мы должны построить модель, элементы которой составят самые общие черты исторического общества. Ближе к реальности будут элементы модели варианта формации и тем более

---

⁸⁷ Метод, условно говоря, состоит в следующем: исходя из определенных постулатов, согласно требованиям логики, поскольку более естественных оснований найти не удалось, группируются явления и события.

группы государств определенной эпохи. И совсем по другому обстоит дело, если мы рассматриваем одно государство или общество в коротком отрезке времени, или отдельные его моменты и т.д.

В последних случаях общие проблемы персонифицируются и становятся настолько конкретными, единичными, изменчивыми, что поневоле возникают вопросы типа: был ли выбор в той или иной ситуации у того или иного деятеля? была ли казнь государственной необходимостью или прихотью правителя? какие тактические ошибки совершил полководец? какова роль (благотворная, роковая) конкретного фаворита? И т.п. Казалось бы, это очень далекие от ведущих тенденций вещи, однако чуть не в каждом эпизоде, каждой мелочи можно почувствовать давление основных законов. Историки не раз указывали на эту двойственность и даже вставляли на провиденциалистские позиции, находя, что многие государственные деятели были лишь орудием в руках бога, судьбы, истории, ее слепых и темных сил.

Можно по-разному ставить подобные проблемы. Философски: например, о свободе и необходимости вообще и их проявлении в данном случае, о степени предопределенности событий, о судьбе нации, которая определяется ее характером, сложившимся задолго до исследуемого периода и т.п. В историко-социологическом плане: например, какова роль самодержавной монархии в возникновении кризиса, и каково в этой связи соотношение монархии и демократии как форм правления. И т.п. Таким образом, нельзя понять конкретную проблему, исходя только из нее самой. Другими словами, нельзя понять эпоху, ее деятелей, общество вне сравнения с иными эпохами, обществами и т.д., вне попытки найти истоки кризиса изучаемого периода в прошлом. Конечно, существуют определенные способы и приемы перехода от частного к более высоким обобщениям. Но они далеко не достаточны. Поэтому следует быть внимательнее к правилам и процедурам соединения общей теории с конкретной историей и к более осознанному и строгому их применению⁸⁸.

---

⁸⁸ Надо сказать, что такая методология отсутствует (это одна из причин, почему я вынужден заниматься данной проблемой). Но целиком и полностью она не может быть создана, а лишь в главных принципах и приемах, потому что методология так же неисчерпаема, как и сама историческая реальность и ее проблематика. Ученый все равно всю жизнь будет вырабатывать (трудным опытом) индивидуальные приемы и

Поскольку понятие «закон» тесно увязано с рядом других понятий, здесь придется исследовать несколько соотношений. Начнем с соотношения закона и категории. Закон очень чадго выражен в категориях. Последние в этом случае выступают его сторонами, между которыми устанавливается определенное соответствие. Но нередко категория — своего рода свернутый, подразумеваемый закон. Это утверждение (закон) о наличии во всех (группе) объектах определенного качества, которое и обозначается так же, как обозначена категория, например, общество имеет структуру производства (хозяйства), которая в известном смысле походит на подобные структуры других обществ (производительные силы).

Таково и само понятие общества⁸⁹.

А как соотносятся закон и событие (факт), закон и причина⁹⁰? В событии преломляются и реализуются законы (и случайности), оно есть результат определенных причин и следствий. Причем сходные и повторяющиеся причины и события мы описываем как закон. Отсюда ясно, что резкой грани между событиями и причинами, с одной стороны, и законами, — с другой — нет. Разумеется, и в привычном понимании, и этимологически, и в иных планах закон должен быть шире события и конкретной причины⁹¹. Собственно ряд, множество причин и событий, ими порожденных, и составляют закон. Но как в математике и логике, в понятие множества включаются и множества с

методы. Но определенные правила, примеры, запреты и т.п. должны стать общим местом для каждого.

⁸⁹ Общество часто представляют как некую систему или модель (сложное сочетание сфер и частей). А такая модель есть своеобразный парафраз закона. Ведь на базе основной формулировки мы можем сделать и другие, характерные для закона, вроде такой условной: если некоторое число людей объединено таким-то способом и это объединение имеет такие-то признаки, коллектив можно рассматривать как общество (социальный организм). Общество иногда представляют как модель иного рода: базис — надстройка, бытие — сознание и пр. Здесь еще нагляднее связь определения и закона. Вообще же категории особенно высокой абстракции имеют собственную структуру и тем самым могут быть представлены как модели той или иной сложности.

⁹⁰ Если начать поиск самых малых, мелких фактов и причин, то обнаружится бесконечное дробление и затем переход этих «атомов» друг в друга (нечто по типу напоминающее поведение элементарных частиц). Поэтому мы эЛ1 сюжеты разбирать не будем, они более интересны, когда речь идет о методологии конкретной истории.

⁹¹ Недаром же в историографии есть различие между поводом и причиной (причинами), например, войны, восстания.

одним членом (или даже с нулем членов, так называемые пустые множества)⁹², также и среди законов могут быть законы одного события (причины) или даже нуля событий (о них речь дальше). Что касается истории, то такой подход здесь не только возможен, но и плодотворен, поскольку позволяет лучше понять соотношение единичного и типичного.

Хотя в большинстве случаев единичные события мы оцениваем именно как факты, эпизоды, типичные явления и т.п., для некоторых случаев – как мы уже видели – их возможно и даже целесообразно толковать как особые законы единичного, уникального. То же относится и к комплексу явлений, составляющих одно целое (общество, цивилизацию, культуру и пр.). В этом плане, признавая возможность различных аспектов и интерпретаций культуры, религий и т.п., мы поступаем объективно. Ведь именно всесторонний взгляд уменьшает негативные влияния субъективности. Таким образом, утверждения об уникальности истории и возможности объяснять ее с помощью законов – это две стороны одной медали. Непонимание этого и резкое противопоставление указанных крайностей⁹³ приводит к тому, что единичные события либо подгоняются под закон, которому не соответствуют, либо просто выпадают из цепи причинности и ряда закона. В последнем случае могут рождаться идеи о неких таинственных и трудно определяемых силах, например, изначальных и вечных национальных особенностях, воздействии из космоса, необъяснимых влияниях абстрактных идей и т.п. Фактически изобретаются дополнительные и ненужные сущности, без которых при правильной методологии вполне возможно обойтись.

Почему я столь обстоятельно останавливаюсь на этом? **Потому** что, на мой взгляд, именно здесь **пролегает противоречие, противостояние** между философией (теорией) истории и собственно

---

⁹² Есть также и универсальные множества, которым «принадлежат элементы всех множеств» (см. Логический словарь: ДЕФОРТ. М., 1994. С. 140). Таким для теории истории может быть, скажем, «всемирная история».

⁹³ Здесь сказывается также непонимание того, что формулировки законов (предположений, причин и следствий и пр.) зависят от совершенства или несовершенства познания, оценки и т.п. И наоборот. Поэтому в одних случаях кажется, что знание не зависит от субъективности, а лишь от самой реальности, что оно – объективно, а в других – наоборот. Во многом причина в познании, накатанности, привычке.

историей. И если мы найдем эффективные **методы** смягчения, сглаживания его, если абсолютное противостояние переведем в относительное (по конкретным проблемам), то перед нами откроется довольно перспективный выход из современного кризиса **схоластики – фактологии**, где нет неразрешимого противоречия, а есть проблема правильных пропорций, правильных переходов от одного **состояния** к другому.

Мы уже видели, что понятия закономерного и неизбежного не синонимы. Так и понятия закономерного и повторяющегося совпадают не полностью. Отсюда можно утверждать, что законы единичного возможны⁹⁴. Ведь, как мы убедились, неповторимое и типичное есть в любом случае, явлении, объекте. Поскольку научный закон – это утверждение о том, что при определенных условиях случится (не случится) то-то и то-то⁹⁵, постольку вообще для закона не является обязательным, что условия, возникшие когда-то, должны повториться. Это обязательно для некоторых типов законов, например, повторяющихся, законов типичного, сходного и т.п. Раз мы условно выделяем часть реальности, почему бы нам не остановиться на неповторимости⁹⁶. Но опять же эти особенные случаи только тогда

ряде работ (см. Тудмин Ст. Указ. соч. Предисловие. С. 9). Как видите, идея закона единичного события имеет своих сторонников. Но это лишь один из типов законов, и если его слишком выделить, если делать чрезмерный упор именно «на прецедентах, а не принципах», то может произойти перегиб. Ибо заниматься прецедентами можно, только имея некие принципы, а понять природу прецедента можно, лишь поместив его в ряд других прецедентов, т.е. выделив определенные сходные (закономерные) черты. Ведь «никакое научное объяснение не может быть дано без привлечения законов» (Карнап Р Указ. соч. С. 54).

⁹⁵ «... Причинное отношение означает предсказуемость. Это не означает действительную предсказуемость, потому что никто не может знать всех относящихся к событию фактов и законов. Оно означает предсказуемость- в том смысле, что, если полная предыдущая ситуация будет известна, событие может быть предсказано». (Там же. С. 260).

⁹⁶ Надо отметить, что в нашей философии, зацикленной на том, чтобы постигать лишь наиболее важные закономерности, мало места осталось для изучения уникального и его природы. Это крайне важно. Уникальны Земля, жизнь, род человеческий, уникальны многие культуры, становятся уникальными многие виды растений и животных и т.д.

будут поняты нами глубоко, когда мы их поставим в общий ряд **неповторимого**⁹⁷.

С одной стороны, законы классического типа достаточно часто наблюдаются в истории. Это повторяющиеся порой в течение тысячелетий хозяйственные циклы, обычаи и пр. К таким, собственно, относится и поддержание основ любой культуры или цивилизаций. Эта повторяемость во многом близка к природному типу. Она, безусловно, очень важна для понимания исторического процесса. Но только такие закономерности для истории, как науки, бессмысленны, ибо без изменений нет истории. Однако именно в развитии важнейшая причина своеобразия, а то и неувимости для формализующих обобщений этого потока событий. С точки зрения сторонников отрицания исторических законов мы, таким образом, пришли к парадоксу: уникальные цивилизации и культуры в то же время основаны на довольно строгих повторяющиеся (воспроизводящихся) законах, поддерживающих их устойчивость во времени.

Из сказанного также ясно, почему история не могла состояться только как наука о неповторимом. Последнее требует **фона для показа этой неповторимости и уникальности, т.е. сравнений**. А поиск сравнений и аналогий – это выделение в чем-то повторяющихся явлений и объяснение причин этого повтора. Поэтому и сравнительно-исторический метод – при его специфике – фактически разновидность объяснений с помощью законов, даже если употребления этого слова и избегают.

Изучение уникального, неповторимого, особого важно по ряду причин. Например, очень часты рассуждения такого рода: что было бы, не случись того или иного? Какие именно условия были необходимы, какие случайны? Почему то- то произошло именно в данном месте и времени, и могло ли подобное быть в другом месте, времени? И т.п. Все

---

⁹⁷ Таким образом, для каждого конкретного момента нового качества закон «работает» один раз. Это закон единичного. Но в более абстрактном плане мы можем представить его как повторение: восхождение материи по «лестнице» качества. Как всегда, аспект зависит от характера нашей задачи.

⁹⁷ Пока не совершилось что-то принципиально новое, мы не знаем всех необходимых для этого условий, поэтому (помимо назревших потребностей) реализация этого нового в большей мере дело вероятности или случая. Теоретически описать закон этого нового мы можем, лишь когда событие совершилось (чаще, когда оно отдалилось).

эти мыслительные проигрывания ситуаций не бесплодное дело. Они в определенной мере аналогичны экспериментам в естественных науках, позволяющим четче отделять закономерное и случайное. Хотя насколько это уступает чистому эксперименту, настолько и труднее выделить необходимое и второстепенное.

С законами уникального и единичного теснейше связаны и законы появления нового качества. А очевидно, что появление чего-то качественно другого, неизвестного ранее – это важнейший аспект для любой науки. Если же говорить о теории исторического процесса – теме данной книги, то собственно он и есть описание процесса перехода от одного качества к другому. Но – как убежден автор – такой переход в каждом первом случае возможен при довольно редком сочетании назревшей возможности и сложившихся уникальных, исключительных условий¹²⁴. Значит, отнюдь не все здесь существенно для повторения. Но эти события, совершившись, начинают во многом определять ход истории в дальнейшем и становятся образцами для подражания. Тут можно отметить и практическую сторону вопроса: что собственно обязательно заимствовать, а что нет? Что будет главным, а что неглавным, что полезным, а что вредным для того, кто заимствует?⁹⁸

Уточняя типологию, мы могли бы законы перехода к новому дополнительно разделить на переход: самостоятельно и путем подражания (заимствования).

Теперь, когда мы уже лучше представляем принцип выделения типов законов, есть смысл углубить представление об алгоритме типологизации и методах анализа проблемы с использованием разных типов законов. Во-первых, следует напомнить, что когда мы помещаем какое-то событие в общий ряд, то препарлируем его так, чтобы оттенить именно общее. Однако оно может и не быть главным, т.е. недостаточно

---

⁹⁸ Это относится ко многим процессам, связанным с «перениманием» модели развития: модернизации, индустриализации, демократизации, переходу к рыночной системе. В подобных случаях задача заключается в поиске минимально необходимых средств для достижения нужных результатов, чтобы меньше травмировать и мучить общество. Поскольку универсальных рецептов нет, а есть умение прилагать общие правила и принципы к конкретному случаю, постольку в зависимости от условий и способностей руководителей такие процессы имеют очень разные результаты. Выделить главное в каждом отдельном случае – редкий талант. Но если вопрос научно обоснован, то это в определенной мере компенсирует отсутствие такого таланта.

глубоко характеризовать явление и событие. Во-вторых, избрав качество, которое кажется нам продуктивным с познавательной точки зрения и исследовав объект в данном плане⁹⁹, мы не можем удовлетвориться только этим. Целесообразно подобрать противоположное качество (аспект и т.п.). Например, к уникальности – типичность, к количеству – качество, к покою (застою) – развитие и т.д. Соединив оба ряда противоположных качеств, мы получаем как бы некий **спектр качества**, на одном конце которого ноль избранного качества, на другом – бесконечность (абсолют). В таком обзоре наше представление об объекте становится намного полнее. Если корректно, это можно сравнить с биноклем, который с одного конца увеличивает предметы, а с другого – уменьшает. Теперь весь спектр качества будет перед нами, и мы сможем попытаться совместить антагонистические Подходы, уходя от односторонности. В определенном плане спектр качества выполняет и роль некоего **«реле» качества**, поскольку в зависимости от задачи мы усиливаем или ослабляем свои акценты, оценки качеств.

В-третьих, поскольку событие мы можем изучать по самым разным параметрам, а – как сказано выше – выделенное общее далеко не всегда наиболее важно для данного объекта, ясно, что только по одному типу законов, т.е. по одной паре множеств качества сделать удовлетворительный анализ нельзя. Поскольку в событии фокусируется целый ряд законов (к тому же каждый из них однозначно не характеризуется), постольку и событие нужно помещать в несколько или даже много подобных рядов.

Таким образом, мы прокручиваем случай, событие, явление и т.п. как бы через «барабан» некоторого числа спектров качества, отмечая сходство и отличие в каждом из них, пока не составим определенной его характеристики.

Для пояснения сказанного и доказательства ненадуманности описанной методологической процедуры, сделаем такое отступление. Так называемые главные законы диалектики построены именно по вышеописанному принципу, т.е. охватывают с помощью категорий количество и качество, единство и борьба (плюс противоположности),

---

⁹⁹ Читатель не должен забывать, что включение в один ряд (по сходству) какого-то числа случаев, и есть основа для формулирования закона.

отрицание другого **отрицания** весь спектр качества, который здесь и разворачивается полностью. На примере этих законов можно было увидеть и многое другое из того, о чем шла речь в этой главе. Таким образом, их ошибочно недооценивают, нельзя только полагать, что они реально существуют ¹⁰⁰. К закону единства и борьбы противоположностей можно отнести и законы, объясняющие устойчивость-неустойчивость систем.

Продолжая разговор о типологии, вновь отметим, что законы различаются по всеобщности, т.е. имеют разный уровень охвата. А также по полноте охвата (аспекту): одни всеобщие законы касаются более частных аспектов, например, только экономики обществ, другие – претендуют на то, чтобы «представлять» все общества в целом. Таковы некоторые системные и структурные законы.

В этой связи рассмотрим еще один тип законов, показывающих соотношение развития отдельных обществ и всего человечества. Благодаря тому, что между обществами совершаются различного рода контакты и они могут тем или иным путем заимствовать друг у друга что-то новое, происходит некое суммирование отдельных достижений. Но это уже не просто сумма частей, а нечто общее, особое, качественно иное, и уже непохожее на свои части. Вот этот процесс и можно обобщить в **законах целого-частей**. А целое, как известно, не сводимо к совокупности частей. Тогда станет яснее, что такие законы, как смена формаций, прогресс и другие в каждом обществе проявляются только **частично** (или даже с обратным знаком, например, застой, регресс и т.п.) и лишь во всемирном масштабе – **в целом**.

Отсюда ясно, что законы исторического развития человечества не аналогичны законам развития отдельных обществ. Поступательное движение человечества есть результат гибели, застоя, отставания одних и лидерства других. По сути такие законы не только не однолинейны, но есть система и равнодействующая большого числа законов меньшего уровня.

---

¹⁰⁰ Они могут выполнять важную методологическую роль, если только не будут претендовать на то, чтобы доказывать что-либо просто самим фактом своего наличия. Доказать что-то, только говоря: «Есть закон, и он все объясняет», – нельзя, но на основе закона пытаться нечто искать и иногда, действительно, находить – можно.

При любом анализе важнейшей проблемой становится определение иерархии частей, причин и т.п. Поэтому нельзя обойти вопрос о главных законах. Если исходить из релятивизма, то надо понимать, что **абсолютно главного** закона нет и быть не может. Ведь в том или ином конкретном случае он может оказаться неглавным. Поэтому, если кто-то полагает, что можно открыть несколько общих законов, объявить их главными и с их помощью все объяснять (практика в философии распространенная), то он глубоко заблуждается.

Однако без понятия **главного-неглавного** анализ часто невозможен. Поэтому целесообразно вести речь о том, что главными можно признать законы лишь в отношении какой-то определенной задачи (класса задач и т.п.) и системы координат, которую мы строим для ее решения. Стало быть, они являются **относительно главными**¹⁰¹, хотя некоторые законы и избираются главными чаще других.

Главные законы иногда логично представить общими (глубинными; в конечном счете и т.п.) причинами (в отличие от частных, конкретных).

Когда мы строим то, что я называю системой координат, можно воспользоваться иной классификацией: законы базовые, т.е. исходные положения, от которых мы начинаем рассуждения, и законы производные от исходных. Само собой, эти позиции зависят от предмета исследования. Предположим, что мы изучаем человеческое общество вообще. Тогда мы можем говорить о некоторых общих свойствах людей (их психике, потребностях и т.п.) и любой человеческой организации. Но если мы говорим о становлении человеческого общества в процессе антропогенеза, то очевидно, что базовыми будут некие присущие и людям, и животным явления. Базовые законы дают нам исходную точку для анализа. Но это не значит, что они будут главными, ими могут быть и производные.

Нередко общественные законы делят на социологические (общесоциологические) и исторические. Под первыми понимают законы, которые «раскрывают самые общие принципы развития и

---

¹⁰¹ Но если так, то вопрос об общих принципах применения абстрактной теории к конкретным случаям становится почти центральным. Поэтому в идеале любое серьезное, широкого плана утверждение нужно уметь объяснить с позиции методологии, обосновать процедуру его вывода. Именно так можно выработать правила проверки и – что еще более важно – самопроверки высказываний.

движения общества, т.е. безотносительно к тем конкретным формам, в которых они воплощаются»¹⁰².

Итак, социологические законы, по мысли некоторых ученых, – это законы более абстрактные, а исторические – ближе к учету конкретных вариаций. Это могло бы быть верным, но только не при господстве традиций истмата видеть законы одновариантными и почти одинаковыми и в большом, и в малом! В подобном контексте провести границу между двумя этими типами законов становилось почти невозможным¹⁰³. Но думается, в принципе такое разделение имеет смысл. Однако я хотел бы ему придать иное, более ясное значение.

Историческими можно назвать закономерности, которые развертываются на протяжении какого-то времени. Мы говорим о них, когда хотим подчеркнуть их преходяще исторически-временной характер, показать, как то или иное явление протекает, меняется и т.п. **Социологические законы** видятся как бы в неподвижности (статике), взятые в определенный момент, либо как результат развития. Часто весьма полезно на время абстрагироваться от принципа историзма с тем, чтобы яснее увидеть суть, например, отношений общественных групп. Так мы можем сравнивать строение и организацию общества, выделять принципиально сходные элементы и отношения. Наиболее общие социологические законы охватывают все историческое время и являются как бы предельными случаями исторических. Но всегда следует помнить об условности такого разграничения. И те, и другие, естественно, имеют свои подвиды.

К социологическим законам ближе стоят законы структурные, получающие все большее признание¹⁰⁴. К историческим примыкают законы уникального и перехода к новому качеству.

---

¹⁰² Жуков Е.М. Социологические и исторические законы // Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 15.

¹⁰³ Поэтому некоторые ученые считают, что такое деление нецелесообразно, поскольку «собственно исторический закон» оказывается не только историческим... в то же время историческим оказывается ... всякий социологический закон» (Желенина И.А. Историческая ситуация. Методология анализа. М., 1987. С. 51). Последнее подрывает «правомерность проблемы различения исторического и логического методов исследования» (Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 245 // Цит. по Желенина И.А.. Указ. соч. С.55). Это свидетельствует о том,

¹⁰⁴ «Сегодня все большее распространение получает та точка зрения, согласно которой общественные законы могут быть разделены на структурные и законы

Важное значение имеет различие **неосознанных** законов (тех, что Маркс и Энгельс называли естественноисторическими) и уже **осознанных**. В последнем случае пропорции между сторонами закона, а вместе с этим и его характер сильно меняются (как в примере о взаимодействии бытия и сознания). Таким образом, общественные законы постоянно модифицируются не только за счет включения новых факторов развития и других причин, но и потому, что люди, постигая те или иные законы, начинают их осознанно использовать, как бы превращая законы в себе в законы для себя. На каждом этапе развития законы предстают в новом виде. Так, все давно знакомое может вдруг увидаться по-новому¹⁰⁵. Сказанное свидетельствует о бесконечности познания и невозможности найти изначальный смысл истории.

Нередко говорят об имманентных законах. Следовало бы сказать кое-что о данном типе законов. Под ними можно понимать такие явления и процессы, которые есть уже в «программе» объекта, общества и т.п., вытекают из особенностей его жизни, структуры, существования и воспроизводства. В обществе, например, это законы сохранения структуры или, в некоторых случаях, – стремление к расширению до определенных пределов. Но часто имманентные законы истории отождествляют с поступательными (поступательным ходом истории), т.е. последовательного, прогрессивного развития, идущего по спирали соответственно закону отрицания отрицания. Хотя такое развитие также имеет место (и оно называется прогрессом), но должно быть ясно, что подобное движение осуществляется путем сложного эволюционного отбора, качественных скачков и многого

исторического развития. Структурные законы выражают общее существенное и относительно постоянное отношение между явлениями. Таков общий закон капиталистического накопления, открытый Марксом. Законы исторического развития выражают необходимость изменения социальной структуры» (Маркович Д. Указ соч. С. 17).

¹⁰⁵ «В целом в исторической науке еще не сложилось понимание того, что структура каждой последующей формации сложнее предыдущей, что в ней выше плотность общественных связей, прочнее социальная интеграция, более всеобъемлюща роль господствующего социально-экономического уклада» (Данилова Л.В. Философия и историческая наука // Вопросы философии. 1989. №10. С. 49).

другого. Ведь законов, которые бы обеспечивали бесперерывное развитие отдельных организмов, обществ нет, и быть не может¹⁰⁶.

Поэтому можно утверждать, что бесконечное движение к новому не может быть имманентно ни в одном конкретном объекте. Это невозможно, иначе общество отрицало бы самое себя, полностью прервалась бы преемственность. Такое бесконечное развитие может быть только как передача импульса к новому от одного объекта к другому внутри более широкой системы. Обычное же развертывание заложенной потенции к развитию напоминает законы наследственности, когда до известного предела и по известным образцам воспроизводится новый организм. Это характерно и для обществ в виде отделений, колоний и пр. Новое же, скорее, возникает по законам мутации, когда из ряда обычного выделяется в результате сбоя необычное. Многие факторы внутри обществ нередко порождают такую мутацию, такой необычный ответ на вызов (например общественная борьба). Но это случайный, а не запрограммированный результат¹⁰⁷.

Все это еще раз характеризует тип законов целого-частей.

Теперь стоит остановиться на соотношении понятий **качество и закон**. Зародыши нового качества есть практически в любом событии, явлении (хотя в большинстве случаев мы можем «увидеть» их только теоретически). Как говорил Тей-яр де Шарден, существует принципиальное положение: «Ничто в мире не может вдруг объявиться в конце, после ряда совершаемых эволюцией переходов (хотя бы и самых резких), если оно незаметно не присутствовало в начале»¹⁰⁸. Но, думаю, что очень часто оно присутствует только потенциально, как возможность. И самое время поговорить о **потенциальных законах**.

Что это такое? Можно предполагать, что при некоторых условиях произойдут какие-то явления. Например, при столкновении кометы с Землей, или при контакте землян с инопланетянами (если таковые есть), или при ядерной войне и т.п. То есть некоторые события не

---

¹⁰⁶ Скорее, им присущи законы, «предписывающие» жизненный цикл. Однако в связи с изменениями в историческом процессе и закон «неизбежного» надлома и гибели цивилизации перестал быть очевидным.

¹⁰⁷ Чем ближе к современности, тем заметнее осознанное стремление к переменам, и они становятся во многом плановыми. Но опять-таки нельзя утверждать, что не придет время, когда люди станут больше стремиться не к переменам, а к сохранению стабильности.

¹⁰⁸ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С 66.

случились и, вероятно, никогда не случатся, но мы о них можем что-то предполагать. Конечно, точность предложения, очевидно, недостаточна¹⁰⁹.

Можно даже сказать, что, хотя число законов бесконечно, главная их часть именно законы потенциальные, т.е. те, что никогда не реализовывались, либо таковы для нас.¹¹⁰ Отсюда становится яснее еще один аспект безграничности реальности. Тем более, это характерно для общественных явлений, где новое генерируется постоянно. Таким образом, мы видим еще один спектр качества, на этот раз касающийся самих законов: все их можно представить находящимися между потенциальными и постоянно действующими силами (типа солнечного излучения).

Стоит подвести итог сказанному. Когда мы видим, что, казалось бы, совершенно различные, антагонистические, противоположные случаи можно объединить в одном законе хотя их положение на шкале качества действительно противоположно, тогда мы понимаем, что от метафизического метода познания, от метафизической логики или-или полезно перейти к другой, более гибкой и точной. Исходить из новых принципов – значит осознавать, что можно найти общее в самых непримиримых позициях и даже совместить их. Но, разумеется, не механически, а более диалектичным путем: например, отграничивая зоны их действия, или надстраивая теорию и превращая крайние случаи лишь в моменты проявления более широкой закономерности, или ища более общие, родовые понятия для них и т.п.

Итак, используя новые представления об общественных законах, мы можем исследовать проблемы философии, социологии и теории истории с иных, более продуктивных позиций.

Однако, чтобы не показалось, что автор видит в методологии спасение от всех бед, уместно будет закончить главу следующим рассуждением. Формальные методы, даже самые правильные и

---

¹⁰⁹ Это понятие применимо и в случае, когда закон не реализуется в конкретной ситуации, где этого можно было бы ожидать.

¹¹⁰ Можно провести аналогию с шахматами, где количество вариантов комбинаций очень велико. При этом часть из них еще не использована, а часть никогда не будет использована. И хотя среди последних много бессмысленных, но могут быть и плодотворные. Так и в мире в потенции много возможных комбинаций тех или иных частичек, элементов и пр. При этом среди вновь возникающих комбинаций какие-то оказываются удачными и затем начинают воспроизводиться.

совершенные, останутся формальными, т.е. несодержательными. Они только помогают решать проблемы, но осмысление темы, видение материала – это уже возможности эрудиции и профессионализма ученого, помноженные на его способности. Да, нужно признать наличие большого числа аспектов исследования и релятивизм наших выводов. Но, чтобы не случилось «головокружения от относительности»¹¹¹, стоит отметить: далеко не любой угол зрения и подход плодотворен. Найти удачный аспект — очень сложно. Ведь это новое, а новое заранее никому не известно. Это открытие. А очевидно, что сделать открытие способен лишь талантливый человек¹¹² и то очень часто для этого требуется невероятное количество усилий. Поэтому новаторство не может быть предметом учебы как какая-то обычная процедура. Хотя в определенной мере алгоритмы такого поиска могут быть выработаны.

Таким образом, никакие правила не смогут заменить способность ученого к проникновению в материал, к обнаружению нового. Но правильная методология способна продвинуть процесс познания такого ученого из интуитивного, на- ощупь, в осознанный, следовательно, лучше вооружить его и избавить от излишних действий.

Сказанное можно усилить еще сравнением Тейяра де Шардена о соотношении объективного и субъективного в процессе познания: «То, что наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности, – это довольно банальное и, можно сказать, независимое от него явление. Но что происходит с прогуливающимся человеком, если он случайно попадает в естественно выгодную точку (пересечение дорог или долин), откуда не только взгляды, но и сами вещи расходятся в разные стороны? Тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту. Местность расшифровывается и озаряется. Человек видит»¹¹³.

(Продолжение следует)

---

¹¹¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 15.

и талант, чтобы увидеть, какой ключ нужен к данной реальности, чувствовать, что материал «просит». Когда ученый находит благодатный аспект, через который открываются значительные возможности решения проблем, нахождения нового и т.п., это в чем-то напоминает обнаружение месторождения. Сначала — только расширяй добычу. Но неизбежно приходит день, когда оно исчерпывается.

¹¹³ Тейяр де Шарден П. Указ соч. С. 38.